

Магос Дал Колурст, техножрец глубоководной шахты Тембра Ридж, в третий раз сверился с картой на своем инфоблоке, дабы убедиться, что находится в нужном месте. Глядя на вспыхнувший тусклым светом дисплей, Колурст испытал сильное облегчение, которое не замедлило отразиться на лице техножреца. Если бы кто-нибудь сейчас находился с ним рядом, он увидел бы в зеленом свете, возникшем вокруг дисплея, довольную улыбку Колурста. Но рядом с ним не было никого. Колурст глянул вверх, проверяя, не повреждены ли провода светильников и электрический кабель, соединяющий их с силовым трансформатором. Наклонившись к трансформатору, он услышал обнадеживающее жужжание, которое сообщило техножрецу, что тот функционирует исправно. Да, кажется, все в порядке. Должное почтение Богу-Машине выражено, и он проверил правильность всех подключений.

Так почему же тогда он стоит один-одинешенек в душной тьме шахты, освещенной лишь дисплеем инфоблока и лучом наплечной лампы?

Колурст еще раз сверился с картой — просто чтобы убедиться, что он стоит в том самом месте. Второй ствол шахты, тоннель семьдесят два, переход тридцать шесть. Колурст знал, что он — в том месте, и не мог понять, почему здесь такая темнота, когда эта часть шахты должна быть буквально залита светом, здесь должно быть светло, как днем.

Техножрец вздохнул, понимая, что придется запрашивать другой генератор, невзирая на то, что начальнику шахты Ласко это вряд ли понравится: времена нынче тяжелые и картель всеми возможными средствами пытается снизить затраты. А это уже третий генератор, который летит в течение трех недель, и Колурст просто не мог взять в толк, что с ними такое происходит. Он и его коллеги-техножрецы подключали каждый из них по всем правилам, благословляя каждый молитвой и бережно нажимая на руну запуска. Все генераторы нормально работали в течение нескольких дней, в лучшем случае недели, после чего один за другим выходили из строя.

Колурст еще раз сверился с картой — просто чтобы убедиться, что он стоит в том самом месте. Второй ствол шахты, тоннель семьдесят два, переход тридцать шесть. Колурст знал, что он — в том месте, и не мог понять, почему здесь такая темнота, когда эта часть шахты должна быть буквально залита светом, здесь должно быть светло, как днем.

Техножрец вздохнул, понимая, что придется запрашивать другой генератор, невзирая на то, что начальнику шахты Ласко это вряд ли понравится: времена нынче тяжелые и картель всеми возможными средствами пытается снизить затраты. А это уже третий генератор, который летит в течение трех недель, и Колурст просто не мог взять в толк, что с ними такое происходит. Он и его коллеги-техножрецы подключали каждый из них по всем правилам, благословляя каждый молитвой и бережно нажимая на руну запуска. Все генераторы нормально работали в течение нескольких дней, в лучшем случае недели, после чего один за другим выходили из строя.

Один за другим трансформаторы прекращали подавать энергию в светильники, и постепенно, снизу вверх, шахта погружалась во тьму. Колурст вновь и вновь проверял каждый

трансформатор, но результат был одинаков: трансформаторы исправно снабжались энергией, но она никуда не направлялась, когда это требовалось. Энергия там была, но куда же она исчезала?

Услыхав позади себя какое-то странное шуршание, Колурст инстинктивно подпрыгнул. Он повернулся, направив свет фонаря в то место, откуда, как ему казалось, исходил шум.

Там не было ничего, шуршала лишь тоненькая струйка песка, вытекающая из трещины в стене. Колурст, затаив было дыхание, с облегчением выдохнул и вытер со лба пот. Вновь повернувшись к трансформатору, он покачал головой и в очередной раз принялся осматривать его.

Ну вот, опять!.. Колурст направил свет фонаря в темноту. Он водил лучом туда и сюда, резко дергая фонарем, когда, казалось, тот улавливал какое-то движение на грани света и тьмы.

И действительно что-то светлое вдруг скользнуло за поворот тоннеля.

— Эй!.. — позвал он, стараясь не выдавать дрожь в голосе. — Кто здесь?..

Никакого ответа не последовало. Впрочем, Колурст и не ожидал, что кто-нибудь откликнется.

Он медленно приблизился к повороту, раздвигая темень светом фонаря. И вдруг услышал тихое постукивание, словно тонкие металлические стержни клацали друг о друга.

Тут что-то хрустнуло в его инфоблоке, и Колурст подпрыгнул. Ничего ведь не произошло... Или произошло? Техножрец на несколько секунд закрыл глаза, отчаянно пытаясь успокоиться. Все эти дурацкие истории, которые рассказывают шахтеры! Не стоило воспринимать всю эту ерунду так серьезно. Это всего-навсего глупые суеверия и чрезмерно активное воображение.

Все эти сказки было здорово слушать на поверхности, но здесь, на глубине десяти тысяч метров, они обретали совершенно иное, тревожное значение. Пот тонкой струйкой стекал по лбу и то и дело капал с носа Колурста. Да ерунда все это, просто-Просто что?

Бросив взгляд на инфоблок, техножрец в смятении постучал по дисплею, который вдруг тоже стал меркнуть. Вскоре он погас окончательно, и Колурст в очередной раз проклял злой рок, который забросил его в это ужасное место, а не на какое-нибудь из производств картеля.

И тут до его ушей вновь донесся странный звук, и Колурст зябко поежился, несмотря на сухую жару глубокой шахты. Казалось, будто кто-то, скользя, приближается к нему, — непонятный звук становился все отчетливее и громче, и Колурст начал медленно продвигаться в сторону лифта.

Он с трудом сглотнул подкативший к горлу ком, сердце его бешено колотилось о ребра.

Вдруг отчаянно замигал наплечный фонарь, и его и без того слабый свет начал угасать.

И тут Колурст увидел движение на границе затухающего луча: десятки крошечных сверкающих отблесков устилали пол шахты. Что бы это могло быть? Колурст в испуге попятился.

Однако и отблески последовали за ним.

В этот момент наплечный фонарь окончательно погас, и Колурст очутился в полной темноте.

Магос Дал Колурст захныкал, словно ребенок, и, повернувшись, бросился бежать. Но они настигли его, не дав техножрецу сделать и пары шагов...

8

Зал сената словно взорвался. Многие ожидали этих слов от Талуна, но тем не менее ожидать — одно, а услышать — совершенно другое. Сказать, что их эффект был равен эффекту разорвавшейся бомбы, значит, не сказать ничего. В один миг завопила добрая сотня глоток, стараясь перекричать одна другую. Уриэль посмотрел на губернатора: Микола Шонаи сидела спокойно и неподвижно, словно наконец произошло событие, которого она давно ждала. Ждала, опасалась и готовилась к нему.

Талун молча стоял в центре зала, держа жезл наперевес, словно оружие. Посредник призывал к спокойствию, бейлифы сновали в толпе, успокаивая наиболее рьяных крикунов с верхних ярусов резкими ударами дубинок.

Талун воздел руки в безмолвном призыве к тишине, и постепенно крики одобрения и негодования замерли, перейдя в монотонный, но все же взволнованный гул. Он стукнул жезлом по полу и, выдержав паузу, изрек:

— Кто из глав семейств готов поддержать мое предложение?

Казимир де Валтос с недоброй усмешкой на устах поднялся со своего места и возложил бледные руки на поручень. Уриэль обратил внимание, что кожа на его руках была искусственной — об этом говорил ее неестественно белый цвет, — и отдал должное мужеству этого человека, сумевшего удрать от мучителей-чужаков.

— Я, Казимир де Валтос, поддерживаю предложение почтенного Талуна.

Талун низко поклонился:

— Благодарю, гилдер де Валтос.

С верхних ярусов позади губернатора раздались свист и шиканье.

Посредник получил назад свой жезл и взмахнул им над головой, пока Талун возвращался на свое место. Затем он резко ударил им об пол:

— Предложение о вотуме недоверия внесено и поддержано двумя членами. Чтобы принять решение о вынесении его на голосование, прошу глав картелей продемонстрировать, поддерживают ли они это предложение или нет.

Посредник прошествовал к своему креслу и потянул за длинный бархатный шнур, открыв взглядам собрания большой экран, находившийся за занавесом на задней стене зала.

— Это становится интересным, — прошептал Барзано. — Теперь мы увидим, кто с кем спит.

Сначала медленно, затем все быстрее эмблемы семейных картелей одна за другой начали появляться на дисплее.

Барзано еле заметным движением подтолкнул Перджеда локтем, который тут же принялся заносить информацию о голосовании в свой инфоблок. Эмблемы де Валтоса и Талуна появились первыми, что было неудивительно. Неудивительным было и то, что вслед за ними сразу же последовал голос Шонаи против. Эмблема Хонана возникла рядом с эмблемой Талуна, вызвав издевательский смех на верхних ярусах. По залу пронесся возглас изумления, когда эмблема Вергена вспыхнула в колонке «за». Как только она появилась, люди, сидевшие за Соланой Верген, стали отчаянно подавать сигналы наследнице главы их картеля, призывая одуматься и прислушаться к голосу разума.

— Вот это да! — выдохнул Перджед. — Вот это удар!

— В каком смысле? — спросил Барзано.

— В том смысле, что Верген был союзником Шонаи почти десять лет, с тех пор как они, объединившись, выиграли выборы у Талуна. Ходили слухи, что Леотас Верген и губернатор Шонаи были хорошими друзьями, если вы понимаете, что я имею в виду. Кажется, дочь Леотаса Вергена не намерена продолжать эту дружбу.

Губернатор Шонаи с неприкрытой яростью уставилась на самодовольное улыбающееся лицо Соланы Верген.

Скомканная повестка дня, прилетевшая с верхних ярусов, шлепнула Бошампа Аброгаса по макушке, он подскочил и, очнувшись, наобум нажал кнопку на панели голосования. Эмблема Аброгаса появилась рядом с губернаторской, и члены его картеля хором испустили стон отчаяния. Да, их лидер действительно был глуп как пробка.

Расстановка сил в стане главных игроков была известна, и главы меньших картелей начали по очереди подавать свои голоса, увидев, куда дует политический ветер. В конце концов голосование завершилось, и результат стал ясен. Картель Шоаи проиграл.

Лортуэн Перджед кивнул, занеся в свой инфоблок голос последнего картеля.

— Этот раунд губернатор проиграла, и теперь вопрос будет вынесен на голосование всего сената, хотя по большому счету голосование будет простой формальностью, поскольку я сомневаюсь, что кто-то из членов картелей проголосует против своих хозяев.

— Итак, губернатор планеты свергнут, вот так вот запросто? — удивился Уриэль.

— Не совсем, — усмехнулся Барзано, поднимаясь со своего места.

— Что вы делаете? — спросил Лортуэн Перджед.

— Я собираюсь напрячь свои правовые мускулы. Уриэль, пойдете со мной.

Перджед схватил Барзано за мантию и прошипел:

— Едва ли такое поведение приличествует эксперту Администратума.

— Точно, — улыбнулся Барзано, и в глазах его вспыхнули озорные искорки.

Уриэль спустился за Барзано по нескольким ступенькам, ведущим к клетчатому полу, и непринужденно отодвинул в сторону изумленного бейлифа, который преградил было им путь. Барзано толчком распахнул деревянные дверцы и зашагал к центру зала. Его дерзкая выходка в сочетании с могучей фигурой Имперского Космического Десантника, следовавшего за экспертом, вызвала в зале изумленную тишину. Посредник, не веря своим глазам, с красным от гнева лицом, застыл под дисплеем голосования.

Раздражение, вызванное столь бесцеремонным нарушением законного хода вещей, перевесило его здравый смысл, и Посредник подошел к Барзано, быстро и возмущенно залопотав:

— Это категорически не укладывается ни в какие рамки, сэр! Вы не можете таким вот образом попирать регламент нашего законного собрания!

— А я полагаю, что могу! — невозмутимо улыбнулся Барзано, доставая из складок своей мантий красную печать Администратума и поднимая ее над головой на всеобщее обозрение.

Уриэль настороженно посматривал на бейлифов, хотя никто из них, казалось, и не собирался

вставить на защиту сенатского регламента.

Барзано вновь спрятал печать под мантию и обратился к сенату Павониса:

— Добрый день всем вам. Меня зовут Арио Барзано, и я прибыл сюда от имени Божественного Императора Человечества. Моя задача — вернуть этот мир на путь добродетели, уничтожить коррупцию и те беды, которые досаждают вашей планете. Я пришел с высочайшими полномочиями и силами, достаточными, чтобы привести в исполнение волю Администратума.

Уриэль не мог не заметить обеспокоенные взгляды, которыми обменялись некоторые главы картелей при упоминании термина «коррупция». Барзано развел в стороны руки, словно заключая в объятия весь сенат:

— Считайте, что это голосование приостановлено, джентльмены. И леди, — добавил Барзано, кивнув в сторону Соланы Верген, которая, глядя на эксперта, удивленно хлопала ресницами. Зазвучали разъяренные голоса, но они тут же смолкли, как только рядом с Барзано встал исполин в синих доспехах. — А теперь извините, мои просвещенные друзья, нам с губернатором Павониса предстоит очень многое обсудить. Удачного вам всем дня.

Барзано низко поклонился и знаком пригласил Лортуэна Перджеда присоединиться к нему. Старик, шаркая, спустился к Барзано и Уриэлю с покрасневшимся от волнения лицом. Подойдя к ним, он схватил Барзано за руку и прошептал:

— Это было совершенно неуместно.

— Я знаю, — ответил Барзано, высвобождаясь от его хватки и направляясь к губернатору.

Микола Шонаи, ошеломленная столь неожиданным развитием событий, при приближении эксперта поднялась со своего кресла:

— Благодарю вас, эксперт Барзано. Но я ожидала увидеть вас только вечером.

Барзано подмигнул губернатору, наклонился к ней и многозначительно произнес:

— Мне нравятся эффектные выходы на публику, губернатор Шонаи, но пока не стоит меня благодарить, это еще не помилование. Пока это лишь пауза в развитии событий. Посмотрим, что будет дальше...

Губернатор Шонаи кивнула, понимая, что это была лишь первая схватка, которую она хоть и не проиграла, но и не выиграла. Тем не менее она была благодарна за предложенный ей спасательный трос.

— В любом случае благодарю вас.

— А теперь, пока вашего Посредника не хватил апоплексический удар, предлагаю переместиться в какое-нибудь менее людное место.

— Да, пожалуй.

Арио Барзано и Лортуэн Перджед сидели в кабинете губернатора, Уриэль почтительно стоял рядом. Губернатор Шоная восседала за своим столом, а ее советники — Алмерз Чанда и Лиланд Кортео — стояли по обе стороны от нее. Дым из трубки Кортео медленно клубился под потолком, перемещаемый лениво вращающимся вентилятором.

— Должна сказать, эксперт, — начала Микола Шоная, — я не ожидала, что вы позволите мне остаться в должности.

— Все еще может измениться, губернатор Шоная, решение о вашем губернаторстве еще предстоит принять.

— Тогда почему же вы не позволили, чтобы все прошло само собой, и приостановили голосование по предложению Талуна?

Алмерз Чанда наклонился вперед и вымолвил:

— Право, губернатор, сейчас довольно и того, что эксперт не позволил этому произойти.

— Нет, Алмерз, это не так. Что ж вы молчите, эксперт? Почему?.

— Мне понравилось, как вы держитесь, и могу сказать, что Уриэлю тоже, — объяснил Барзано. Уриэль и не думал, что его симпатии к губернатору оказались столь очевидны для эксперта, Барзано еще больше вырос в его глазах: не каждый человек обладает такой проникательностью. — Помимо этого, дорогая леди, после того как я увидел остальных потенциальных кандидатов на вашу должность, вы показались мне в наименьшей степени, как бы это поточнее выразиться...

— Скользкой, коварной и ненадежной? — предположила Шоная.

Барзано рассмеялся:

— Да, что-то в этом роде. Но, говоря серьезно, я не сторонник нарушения стабильности и стараюсь избегать больших перемен. Если все это принять во внимание, ваша замена принесла бы немного пользы.

— Другими словами, это могло бы оказаться лишь временной мерой?

— Именно так. Скажу начистоту, губернатор, как имперский руководитель вы не справились со своими обязанностями. Десятина — правомерный и подлежащий обязательной уплате имперский налог — не поступает, а ваша неспособность поддерживать мир на этой планете привела к тому, что мне поручили выправить положение любыми средствами.

— Это, безусловно, проблем у нас немало, но обстоятельства прошлого...

— Меня не интересуют обстоятельства прошлого, губернатор Шонай, — грубо перебил ее Барзано, и Уриэля поразил его злой тон. Перджед, тоже выглядевший озабоченным, не вставая с кресла, наклонился вперед, а Барзано тем временем продолжил: — Что меня интересует, так это отсутствие прогресса в вопросе уничтожения этой Церкви Старых Принципов, организации, которая, с моей точки зрения, слишком сильно смахивает на еретический культ. Что меня интересует еще, так это неспособность вашей системы обороны отлавливать эльдарских налетчиков, которые атаковали наше судно и отправили на тот свет множество достойных слуг Императора. Но что беспокоит меня больше всего, так это тот факт, что вы не ощущаете необходимости информировать обо всем этом Администратум. Объяснение всех этих обстоятельств было бы весьма кстати.

— И что же мне сказать вам в ответ, эксперт? Адептус Арбитрес и наши собственные местные силы безопасности пытались уничтожить Церковь Старых Принципов, но они словно тени, и мы не можем обнаружить никакой зацепки, мы даже не знаем, как именно они обеспечивают себя оружием, — проворчала Шонай. — Что же касается эльдарских налетчиков, наши корабли пора отправлять на консервацию, среди них нет ни одного моложе двух тысяч лет. Как же нам с ними сражаться на этих устаревших посудинах?

Барзано лишь улыбнулся, когда губернатор закончила свою тираду, и откинулся в кресле, явно удовлетворенный ответом.

Микола Шонай положила руки на стол ладонями вниз:

— Я признаю, что было... что было неразумно до сих пор не выходить наверх с нашими проблемами, но я полагала, что мы сами сможем справиться с ними. Если я в чем-то и виновна, так это в том, что слишком верила в свои возможности совладать с кризисом.

— Да, — согласился Барзано. — Но в том-то вся и штука, что я тоже не верю в неспособность вашей администрации с ним справиться. Предлагаю отложить в сторону вопрос о прошлых ошибках и поработать над тем, как можно разрешить текущие проблемы в кратчайший срок. Вы согласны?

— Конечно, — быстро ответила губернатор. — Чем я могу помочь?

— Первый этап любой операции — это сбор информации, и, чтобы облегчить свои

исследования, мне понадобится полный доступ ко всем данным, которые имеются в логических машинах дворца. Разумеется, включая все ваши личные файлы.

— Возмутительно! — разбушевался Алмерз Чанда. — Это переходит все границы, сэр!

— В самом деле? В ваших файлах есть нечто такое, что вы предпочли бы от меня скрыть? Я правильно вас понял, мистер Чанда? Записи о переданных взятках, незаконных сделках с ксеносами и тому подобное? — пошутил Барзано, хотя в любой шутке, как известно, присутствует доля истины. «Насколько же эта доля велика?» — подумал Уриэль.

— Разумеется нет! — продолжал неистовствовать Чанда. — Но это колоссальное нарушение протокола — копаться в личных файлах губернатора, словно она — преступник.

Протянув вперед руку, Микола Шонаи умиротворяюще положила ее на кисть Чанды:

— Все в порядке, Алмерз, мне нечего скрывать. Эксперт, вы получите все, что просите. Что еще вам понадобится?

— Поскольку мне не особенно хочется, чтобы меня заподозрили в предпочтении к какому-либо из картелей, а слухи эти поползут, как только от них последуют приглашения разместиться — а последуют они, я уверен, очень скоро, — я попрошу анфиладу комнат во дворце для себя и своего окружения. В настоящее время мои люди ожидают на посадочной площадке, на краю города. Я был бы признателен, если бы вы могли направить им сообщение об этом вместе с соответствующим транспортом, чтобы доставить их и мое имущество во дворец.

— Все ваши пожелания будут выполнены незамедлительно, — заверила эксперта губернатор и кивнула Чанде.

Советника рассердило такое лакейское поручение, но он взял себя в руки, молча поклонился и вышел.

— Что-нибудь еще?

— Да. Поскольку я, вне всяких сомнений, в ходе расследования буду иметь дело с местными силами безопасности, мне потребуется связь с Адептус Арбитрес. А пока свяжитесь с ними вы и попросите направить ко мне офицера.

— Им это не очень понравится, — заметил Лиланд Кортео.

— Меня совершенно не заботит, как они к этому отнесутся. Просто обеспечьте мне связь с Адептус Арбитрес. — От хозяйского тона Барзано Лиланда Кортео передернуло, но он кивнул и сделал пометку в своем блокноте. — Хорошо, это касается внутреннего фронта. Переходя к вопросу об эльдарских налетчиках, я предлагаю, чтобы крейсер «Горе побежденному» как

можно скорее начал патрулирование окружающего пространства. Уриэль, я думаю, будет лучше, если вы сами обратитесь к губернатору и попросите тот объем помощи, который вам необходим.

Уриэль Вентрис сделал шаг вперед:

— Для достижения максимальной эффективности я попрошу полное досье с комментариями о каждом поселении, которое подверглось налету, и каждом атакованном корабле вместе с декларациями груза и списком пассажиров. Также нам нужна подробная карта системы с указанием точного времени и места каждой атаки. Исходя из всего этого, мы сможем вычислить центральную орбиту атак и разработать рациональную трассу патрулирования.

— Я лично прослежу за этим, капитан Вентрис. Уриэль кивнул и вернулся на исходную позицию.

— Как быстро вы сможете приступить к патрулированию, капитан?

— Сейчас техножрецы приводят корабль в порядок, и, как только затребованная информация будет передана на крейсер, мы сможем начать.

Барзано задумчиво потер подбородок:

— Великолепно. Я хочу, чтобы вы вернулись на судно и выследили этих чужаков. Мне даже трудно выразить, насколько большое значение я придаю этому заданию, капитан.

— Вернуться на корабль? Эксперт, мне была поручена ваша личная безопасность, и я дал слово лорду Калгару, что вам не будет причинено ни малейшего вреда!..

— Так оно и будет, потому что вы оставите в моем распоряжении отделение сержанта Леаркуса. Если, разумеется, вы уверены, что сержант сможет обеспечить мою защиту.

— Разумеется, уверен. Леаркус — испытанный ветеран многих кампаний. Я ему абсолютно доверяю.

— Тогда мне остается только разделить ваше доверие.

Внезапно Уриэль осознал, насколько искусно Барзано сманипулировал им. Леаркус — прекрасный воин и умрет, но не допустит, чтобы пострадал эксперт, и отстранить его от этого задания означало оскорбить его достоинство. Уриэль поклялся Марнеусу Калгару, что будет защищать Барзано, но если остаться с ним, то его люди пойдут в бой без своего капитана. Как бы теперь Уриэлю ни хотелось поступить иначе, Барзано не оставил ему выбора. Как капитан Четвертой роты, Уриэль должен доверять офицерам, находящимся под его командованием, да Уриэль и доверял им, но...

Уриэль с достоинством поклонился Барзано:

— Сержант Леаркус и его воины — прекрасная охрана. Сержант — выходец из уважаемой семьи и не подведет вас.

— Так же, как и вы. Я уверен в этом, Уриэль.

— Не подведу, пока бьется мое сердце, — заверил эксперта Космодесантник.

* * *

Арио Барзано потер уставшие веки и откинулся в кресле, почувствовав приступ нестерпимой головной боли. Изыскания, которыми он занимался, исследуя архив губернатора Павониса, оказались весьма плодотворными, но эксперту уже порядком поднадоели бесконечные предательства и обманы — вся та незамысловатая непривлекательность человеческих поступков, которые он обнаружил за последние два дня. Выкатившись на кресле из-за стола, он налил себе добрую порцию ускавара — лучшего местного напитка.

Комнаты, предоставленные ему губернатором, окутал полумрак, свечи почти догорели, превратившись в горячие лужицы застывающего воска. Потягивая крепкий напиток, Барзано зажег новые свечи и задумался о том, как же ему все-таки справиться с Церковью Старых Принципов. Микола Шонаи не солгала, сказав, что те словно тени. На деле же выходило, что поймать собственную тень куда легче, чем выяснить местонахождение этой группировки.

Секта впервые появилась семь лет назад, когда мощный взрыв уничтожил одно из предприятий Хонана, а возникший пожар стер с лица земли прилегающие склады. Ущерб картелю был нанесен баснословный, и все списали на плохой контроль и низкий уровень техники безопасности. Так бы, наверное, все и осталось, если бы спустя несколько дней губернатор не получила закодированное сообщение, в котором в весьма резких тонах осуждалась жадность правителей Павониса. Мало того, аноним торжественно обещал продолжить начатую им серию взрывов.

И злоумышленники сдержали обещание: вскоре каждый из картелей пострадал от рук террористов, а силы безопасности оказались не в состоянии что-либо им противопоставить. К настоящему времени от этих взрывов погибло почти четыреста человек, и, хотя в галактическом масштабе это число было незначительным, Барзано понимал, что каждая жизнь — это звено в цепи, которая однажды распадется, если он и его люди не смогут пресечь деятельность организации, именующей себя Церковью Старых Принципов.

Силы безопасности Павониса недалеко продвинулись в деле поимки террористов, и Барзано совершенно этому не удивлялся. Он быстро понял, что само их создание было фарсом. Финансируемые картелями, местные силы безопасности являли собой не что иное, как частные отряды охраны, защищавшие интересы тех, кто им платил, и поддерживающие жесткую дисциплину среди рабочих, и ничего больше. Несколько малочисленных гарнизонов Адептус Арбитрес, разбросанных по планете, мало что могли сделать помимо приведения в

исполнение законов Императора, да и то только в центрах крупных городов. На бедных окраинах и в рабочих районах, окружающих предприятия, действовали только законы, установленные картелями.

Эксперту Администратума редко доводилось встречать более отвратительное змеиное гнездо, до краев полное вероломных гадюк, готовых в любой момент ужалить друг друга. Картели время от времени объединялись ради достижения краткосрочных целей и прибылей, а получив желаемое, быстренько отказывались от исполнения контрактов и меняли союзников. По большому счету в мире бизнеса все это было делом обычным, но Барзано страшно угнетало то, что на пороге завершения сорок первого тысячелетия люди все еще не оставили в сторону свои разногласия даже перед угрозой объединения всех чуждых рас галактики, стремящихся уничтожить человечество.

Орки носились по галактике, устраивая резню и грабежи почти в каждой планетной системе, и он с трудом подавил дрожь при воспоминании о разоренной войной планете Армагеддон. А ведь Павонис так близко к восточным рубежам, рано или поздно расширяющиеся границы Империи Тау достигнут и этого мира.

Да, галактика — это не поле для гольфа, и, только объединившись и добившись стабильности, Империя Человека может надеяться на выживание. Любое другое развитие событий было бы вопиющей недалковидностью, и Барзано поклялся приложить все силы, чтобы обеспечить сохранение стабильности Империи. Что же сделали правители Павониса, чтобы сберечь неприкосновенность одной из планет Императора?

Эксперт вернулся в свое кресло и включил дисплей терминала. В уголке экрана мерцало уведомление об очередном сообщении, но он оставил его без внимания, зная, что это — очередное приглашение вкушать гостеприимство очередного картеля. Приглашения на обед, охоту, вечеринку с коктейлями и участие в других столь же привлекательных развлечениях Барзано получил от каждого из домов. Он вежливо отклонил их все.

Вместо этого Барзано еще раз прокрутил сведения, собранные за последние два дня.

В скупой информации о небольших картелях он не нашел ничего, кроме обычной череды союзов, контробъединений и нарушений договоров. Лидеры крупных картелей оказались, однако, куда более интересными экземплярами.

В скупой информации о небольших картелях он не нашел ничего, кроме обычной череды союзов, контробъединений и нарушений договоров. Лидеры крупных картелей оказались, однако, куда более интересными экземплярами.

Бошамп Аброгас проводил время, разрушая свою центральную нервную систему запрещенными наркотиками и день за днем проматывая семейное состояние.

Тарин Хонан — толстый дурак, который только тем и занимался, что тратил неслыханные суммы на проституток. Даже страшно представить, что могло бы случиться, если бы он начал

руководить безмозглыми сервиторами.

О Солане Верген Барзано удалось узнать немного, и это беспокоило эксперта. Еще на заседании сената он почувствовал, насколько притворно ее горе по поводу смерти отца, а вот столь кардинальная перемена политического курса ее картеля, которая произошла во время голосования, заставила Барзано всерьез задуматься об этой девушке.

Де Валтос проводил большую часть времени, укрывшись от посторонних глаз в своих поместьях или гоняясь за древностями, рассеянными по всей системе. Даже слепец заметил бы ненависть, которую он питал к губернатору, хотя Барзано и не удалось обнаружить никаких прямых причин для столь острой вражды. Все это, вместе взятое, определенно служило основанием для проведения дальнейшего расследования. Также прослеживалась отчетливая связь между де Валтосом и темным эльдаром, хотя Барзано понимал, что связь эта не та, что порождает сотрудничество. На судне чужаков де Валтоса запытали чуть ли не до смерти, и, несмотря на то что шансов выжить у него не было, он все-таки выжил.

Поначалу Барзано не принял в расчет Миколу Шонаи — он не почувствовал с ее стороны никакого притворства, да и в любом случае ее второй шестилетний срок на посту губернатора планеты подходил к концу, а Конституция Павониса запрещала занимать эту должность три срока подряд. Получалось, что, лишившись губернаторского кресла именно сейчас, Шонаи только выигрывала, но почему же она тогда продолжала цепляться за власть? Арио Барзано понимал, что один только этот факт не может исключить ее из списка подозреваемых, на своем веку Барзано разоблачал предателей с куда менее значительными мотивами. Но он занимался подобными делами уже много лет и был убежден, что лжеца, каким бы хитрым и изворотливым тот ни был, ему удастся распознать всегда, а Микола Шонаи не казалась ему таковой.

По правде говоря, эксперт восторгался этой женщиной. Она старалась сделать для своего мира все, что было в ее силах. Но Барзано знал, что одних стараний в этом деле недостаточно. Усилия должны сочетаться с результатами, а результаты на Павонисе говорили сами за себя. Но вот Талун...

С Талуном была другая история. Вендаре Талун, который дважды за последние десять лет потерпел поражение на выборах от объединившихся картелей Шонаи и Верген, он-то выигрывал все. Когда бы Барзано ни занимался подобными задачами, он всегда начинал, задавая себе один и тот же вопрос: кому это выгодно? Во всем этом хаосе террористических актов, чуждых пиратов и угроз политического переворота картель Талуна все время оказывался в выигрыше.

От взрывов его картель пострадал меньше других, кроме разве что картеля Шонаи, а Барзано давным-давно понял, что в таких делах совпадений не бывает. Совпадение во времени налетов эльдарских пиратов и появления Церкви Старых Принципов, несомненно, говорило о присутствии на планете некой организующей руки. Талун уже проявил свое коварство, и Барзано понял, что змеевидные извилины его мозга вполне способны разработать и такой изощренный план.

Оттолкнувшись от терминала, Барзано встал и одним глотком осушил свой стакан. Собираясь

завтра с раннего утра снова сесть за работу, эксперт с тревогой подумал: что-то еще удастся обнаружить? Барзано велел контактному лицу, два дня назад прибывшему по его требованию из Адептус Арбитрес, одеться в штатское. Внезапно он подумал: а есть ли вообще у этой девушки гражданская одежда? Похоже, она из тех, кто живет своим призванием, и он улыбнулся, осознав, что в таком случае они с ней очень похожи.

Услышав из-за дверей низкие голоса своих охранников-Ультрамаринов, Барзано вспомнил об Уриэле Вентрисе. К сожалению, он не мог сказать Уриэлю правду, но эксперт понимал, что если бы сделал это, то в отношениях с капитаном Космических Десантников у него могли бы возникнуть проблемы, а Барзано этого не хотелось.

Эксперт взглянул на бронированный сейф, скрытый в стене за портретом человека по имени Форланус Шонаи, где спрятал свою шкатулку.

Барзано усилием воли сдержал побуждение открыть ее и рассмотреть то, что лежало внутри.

«Ради Павониса, — мысленно взмолился он, — лишь бы только не пришлось этого делать!»

Уриэль видел, что лорда адмирала Тибериуса раздражает присутствие на борту его судна пилота системы, но капитан знал, что адмирал достаточно практичен, чтобы примириться с этой необходимостью.

Проложенный Уриэлем и Тибериусом наиболее оптимальный маршрут к Каэрнусу IV — месту последнего нападения эльдара — вел их напрямую через широкий пояс астероидов, и без знания безопасных путей сквозь него они наверняка наломали бы дров. Прошло шесть напряженных часов, в течение которых пилот искусно вел их сквозь стаю огромных астероидов, и все это время Уриэль молился Императору, Жиллиману и всем святым, чтобы те помогли им поскорее выбраться отсюда.

Карта системы, предоставленная губернатором Шонаи, оказалась весьма дельной, на ней были обозначены места всех нападений элдарских налетчиков. Уриэль не представлял себе масштабов их злодеяний, пока не увидел карту, — свыше сотни нападений за каких-то шесть лет! Почти каждое из них приводило либо к полному разрушению поселения, либо к уничтожению корабля и массовой резне. Уриэль вновь с уважением и восхищением вспомнил о Казимире де Валтосе, когда представил, какие мужество и решительность потребовались от него, чтобы суметь удрать от этих чудовищ.

— Рулевое управление, идем вправо на ноль-два-пять, под углом тридцать градусов вниз, — произнес пилот системы. — Давай, красавец, мы сможем там тебя протащить!

Уриэль поднял взгляд от стола прокладки маршрута к обзорному окну и побледнел, увидев крошечный промежуток между медленно вращающимися астероидами, на который нацелился пилот. Он затаил дыхание, наблюдая, как две гигантские скалы, каждая из которых превосходила крейсер «Горе побежденному» на несколько миллионов тонн, проскользнули мимо корабля. Уриэль видел, как Тибериус сжал край капитанского пульта так, что костяшки

его пальцев побелели, а лицо от волнения сплошь покрылось морщинами. Он с большой неохотой позволил пилоту, знающему окрестное пространство, управлять его кораблем, но не с адмиральского пульта.

— Неужели вам так уж необходимо подлетать так близко к этим проклятым скалам? — не выдержал Тибериус, терпение которого в конце концов лопнуло. — Если вы даже слегка цапнете по любой из них, мы тут все всосем вакуум!

Пилот по имени Криворн, выходец из кузниц Альтемаксы, лишь усмехнулся, обнажив желтые пеньки — остатки былых зубов.

— Ха! Да это самый легкий путь. Я мог бы провести вас Аллеей Покинутых, вот там бы вы действительно увидели настоящий полет.

— Аллеей Покинутых? — переспросил Уриэль. — На карте такого названия нет.

— Не-а, — подтвердил Криворн. — Просто это название пришло мне в голову, когда я чуть не потерял там корабль.

— Вы чуть не потеряли корабль?! — взорвался Тибериус.

— Да, хотя в этом не было моей вины, — честно признался Криворн. — Мы летели там, счастливые, как орки в плесени, когда совершенно внезапно, из ниоткуда, вдруг возникла эта проклятая огромная развалина! Клянусь, минуту назад ее не было, а в следующее мгновение мы сбрасываем скорость, круто закладываем руль направо и даем задний ход:

— Я полагаю, тогда вы просто допустили навигационную ошибку, пилот.

— Я? Нет, мой лорд. Я проверял обзорные системы секундой раньше, и этой чертовой штуковины там не было... Рулевое управление, ложимся на новый курс: три-два-четыре, под углом десять градусов вверх.

— Так что же это все-таки было? — снова спросил Уриэль, обеспокоенный вялыми указаниями Криворна рулевому.

— Так никогда и не узнал, но, думаю, это была одна из этих космических развалюх, о которых часто говорят, — неохотно ответил Криворн. — И я не первый, кто ее видел. Многие космические странники говорят, что встречали ее в системе Павониса. Они называют ее кораблем-полумесяцем из-за ее формы. Рулевое управление, новый курс: ноль-ноль-ноль, вверх.

Уриэль знал о таких покинутых судах, разбитых остовах, затерявшихся в варпе, обреченных стать кораблями-призраками, бесконечно курсирующими в ледяных глубинах космоса. Никто не мог предсказать их маршрут, и появлялись они всегда неожиданно, когда капризная судьба

вышвыривала их из нематериального пространства. Мысль о том, что такой корабль может оказаться поблизости, вызвала у Уриэля сильное отвращение.

— Послушайте, хватит нести эту чертову бессмыслицу, — подал голос Тибериус. — Сколько еще нам осталось идти сквозь пояс астероидов до Каэрнуса IV?

Криворн скривил губы в некое подобие улыбки, в очередной раз обнажив свои гнилые зубы, и отвесил Тибериусу глубокий поклон:

— Мы только что прошли сквозь пояс, мой лорд. При нынешней скорости и в этом направлении мы окажемся на орбите планеты ориентировочно через час. Милости просим.

Казимир де Валтос почувствовал, как его внутренности вновь свело судорогой, и извергнул в миску очередную порцию липкой кровавой пены. Лоб его покрылся каплями пота, желудок скрутили болезненные спазмы, взгляд затуманился, и новая волна черной рвоты обожгла горло и выплеснулась в миску.

Проклятые ксеносы! Каждый день его тело бунтовало против мерзких ядов, которыми они его травили. Только ежедневные вливания сильных очищающих средств сдерживали их истощающее воздействие, но даже эти радикальные меры не уменьшали страданий де Валтоса.

Он поднялся с пола комнаты для омовений и плотно запахнул банный халат на своем тощем теле. Как только последние спазмы утихли, он плеснул в лицо воды. В тщетной попытке избавиться от кислого привкуса во рту де Валтос прополоскал гортань и вытерся шелковым полотенцем. Затем он аккуратно расчесал свои белые волосы альбиноса гребнем слоновой кости.

Уставившись в зеркало, он в который раз задумался о том, как случилось, что его жизнь приняла такой оборот. Ответ пришел довольно легко. Это началось в тот день, когда его экспедиция обнаружила пещеру под разрушенным городом на Цтелмаксе и надписи аббата-еретика Кортесвейна. Если бы только он не переводил эти надписи! Если бы только он не последовал тем жутким пророческим словам!.. Если бы только он не повстречал эльдара. Но он последовал им, и вот к чему это привело. Он поднял бледную, в пятнах, руку к лицу и потыкал в лишенную нервов синтеплоть, которая покрывала его череп, зная, что ничего он не почувствует. Он вновь взглянул на свое отражение. Когда-то его считали красавцем и он ухаживал за прекраснейшими женщинами Павониса, но все это осталось в прошлом. Об этом позаботилось раскаленное добела лезвие пытавшего его чужака.

Много раз после встречи с эльдаром де Валтос подумывал о самоубийстве, но у него не хватало мужества даже на это. Искушение слов Кортесвейна слишком крепко овладело его душой, и вот тогда де Валтос по-настоящему осознал, что величайшее проклятие из всех проклятий человечества — это надежда.

Зачем же еще он стал бы продолжать этот путь вниз, если не ради надежды?

Де Валтос отшвырнул полотенце и прошел в спальню. В комнате отсутствовало зеркало, да и во всем остальном она была обставлена по-спартански ни следа той роскоши, без которой многие не могут представить лидера богатого картеля. Сняв халат, де Валтос зашел в гардеробную, где без долгих размышлений выбрал свой любимый, темно-синий, костюм с узкими лацканами и высоким воротником. Он надел брюки, затем пиджак. Одеваться было трудно — паутина шрамов, которыми одарил его эльдар, болезненно стягивала кожу на груди и руках. Но скоро придет гость, а де Валтос не любил опаздывать.

То, что он презирает и его, и всю ту заумную чепуху, в которую тот верит, в данном случае не имело значения.

Не имело значения и то, что не так давно он и сам во все это верил.

Времена с тех пор изменились, и его ответственность была уже куда больше, нежели прибыли и убытки, производство и трудовые ресурсы. Выбрав к костюму черные туфли из кожи карнодона, де Валтос присел на край заляпанной кровью постели и, кряхтя, натянул их, после чего поднялся и поправил костюм.

Услышав звон колокольчика в вестибюле, он понял, что гость прибыл. Прибыл, как и обычно, вовремя. Элегантно одетый, де Валтос подошел к изголовью кровати и собрал окровавленные ножи, разбросанные вокруг изуродованного человеческого трупа, лежащего на матрасе. При этом де Валтос старался не попадать ничего не чувствующими пальцами в лужицы липкой крови.

Он уложил орудия пытки в черный кожаный футляр и легким пинком отправил его под кровать, снова кинул взгляд на труп и ощутил знакомое чувство разочарования. Этот даже и близко не подошел к тому, чтобы удовлетворить его потребности, и де Валтос понимал, что вскоре ему понадобится раздобыть очередной кусок живого мяса, который помог бы ему успокоить демонов, завладевших его разумом.

Он представил на этой кровати Солану Верген, и сердце де Валтоса учащенно забилося.

Круто развернувшись на каблуках, де Валтос вышел из комнаты и спустился по широкой мраморной лестнице в вестибюль навстречу своему гостю.

Он обнаружил его внизу нервно переминающимся с ноги на ногу.

Алмерз Чанда поднял голову на звук шагов. Казимир де Валтос улыбнулся.

Без судейской униформы Дженна Шарбен чувствовала себя совершенно не в своей тарелке и в сотый раз сожалела о том, что Вирджил Ортега направил ее сиделкой к этому проклятому эксперту. Девушка была одета в строгое синее платье с просторными рукавами и внутренней кобурой под мышкой слева, в которой находился автоматический пистолет. Дженна стояла по стойке «вольно» в комнате эксперта и осматривала его жилище.

Арбитр Дженна гордилась своим умением многое узнавать о людях по тому, как они живут: об их вкусах, о том, что им нравится и что не нравится, приверженцы ли они порядка или предпочитают жить в состоянии постоянного бардака.

Но при виде жилища Барзано брови девушки удивленно поползли вверх — настолько странным оказалось жилье этого человека. Десяток книг, стопкой высившихся на столе, лежали в алфавитном порядке, хотя они явно не были принадлежностью этой комнаты, и в то же время груда скомканной одежды валялась на покрывале кровати. В изножье кровати находился ящик для обуви, запертый на геноклюд, а на столе валялся открытый дневник, испещренный пометками эксперта. Рядом с дневником стояли полупустой графин ускавара и хрустальный стакан с остатками напитка, причем стоял он так, по всей видимости, со вчерашнего дня.

Что за человек этот эксперт?

— Достаточно увидели? — прозвучал голос из дальнего угла комнаты.

Дженна вздрогнула, и ее рука невольно потянулась к пистолету. Там, привалившись к стене, стоял человек в испачканной красной робе картеля Талун и жевал табак. Человек этот был небрит и с трехдневной щетиной на округлом подбородке выглядел забулдыгой-простолюдином.

Дженна открыла было рот, чтобы спросить незнакомца, что он здесь делает, когда внезапно до нее дошло, что это и есть эксперт, которому она была представлена накануне вечером. Перемена в облике Барзано была поистине впечатляющей.

— Сейчас — да, — ответила арбитр Шарбен, когда эксперт легким шагом направился к ней.

Барзано улыбнулся:

— Сегодня я намереваюсь побыть Гальяном Кордой, вторым техником с плавильного завода три-шесть-два картеля Талун. Что скажете?

Дженна лишилась дара речи. Если б она не знала истины, то поклялась бы, что эксперт — выходец с Павониса. И произношение, и одежда, и усталая сутулость — всем в точности эксперт походил на рабочих местных предприятий. Волосы его были зализаны назад, и Дженна заметила, что его щеки теперь выглядят более пухлыми.

Словно прочитав ее мысли, Барзано вытащил из-за щек два тампона и, подмигнув, вставил их обратно в рот.

— Думаете, я сойду за местного?

— Несомненно, — заверила эксперта Дженна. — Хотя зачем это вам?

— Ну, я не думаю, что с учетом происходящих беспорядков, и непопулярности действующей администрации кто-нибудь разоткровенничается перед пришельцем из другого мира, не говоря уже о представителе Администратума. А вы как считаете?

Дженна понимала, что эксперт говорит дело, и тут его вчерашняя настойчивая просьба одеться в штатское обрела для нее истинный смысл. Он хотел выйти из дворца и смешаться с рабочими. А она должна была стать — кем: телохранителем? Гидом? Или и тем и другим?

— Так что же вы задумали, эксперт Барзано?

— О, всего лишь небольшую прогулку в рабочие кварталы за городские стены. Особых усилий от вас это не потребует, я обещаю. — Барзано махнул рукой в сторону книг и терминала. — Это, конечно, здорово — получать информацию оттуда, но я всегда считал, что лучшую первичную информацию можно собрать лишь на местности. А вы так не считаете? Да, сегодня Гальян Корда, недавно уволенный с завода Талуна, пообщается с такими же недовольными и обсудит то кошмарное состояние дел, к которому привела нас губернатор.

— А какова моя задача?

— Вы, дорогая, мой телохранитель, — улыбаясь, прошептал Барзано, от души наслаждаясь своей новой ролью. — Видите ли, когда Гальян оставил работу у Талуна, он забрал с собой некоторые разоблачающие его документы.

— А какова моя задача?

— Вы, дорогая, мой телохранитель, — улыбаясь, прошептал Барзано, от души наслаждаясь своей новой ролью. — Видите ли, когда Гальян оставил работу у Талуна, он забрал с собой некоторые разоблачающие его документы.

— Да?...

— Я так думаю. А если серьезно, я почти уверен в этом.

— Так из какой же области эта разоблачительная информация?

— Пока понятия не имею, — хихикнул Барзано. — Хотя, думаю, это что-то скабрзное.

— А как насчет Космических Десантников снаружи? Вы вряд ли сойдете за местного рабочего, если за вами по пятам будут следовать двое гигантов в доспехах.

— Разумеется. Поэтому сегодня они следовать за мной не будут.

— И как же вы собираетесь выбраться из дворца без них?

— Элементарно, моя дорогая Дженна! Они меня вообще не увидят, — пообещал Барзано. — Они увидят вас и парня в робе, довольно сомнительной наружности, которые направляются к выходу, при этом Десантники будут убеждены, что лежебока эксперт все еще спит в своих покоях. Поверьте мне, это легче, чем вы думаете.

Дженна Шарбен покачала головой.

— На самом деле я не думаю, что это такая уж хорошая идея, — произнесла она.

9

Уриэль смотрел на обожженные человеческие останки, лежавшие на маленькой походной койке, и думал: как, во имя всего святого, этот человек мог оставаться живым? Как только Уриэль увидел этого несчастного, он тут же вызвал своего полевого аптекаря, чтобы тот оказал молодому человеку помощь. Местный врач сделал все, что было в его силах, но сил этих оказалось крайне недостаточно. Состояние несчастного было столь тяжело, что врачу оставалось надеяться лишь на чудо.

Аптекарь Селенус осторожно приподнял ногу лежащего, разматывая повязку, перепачканную запекшейся кровью и гноем, и наложил целебный бальзам на остатки иссохшей плоти. Селенус работал при свете дюжины потрескивающих свечей, и тошнотворное зловоние отмирающего обожженного мяса смешивалось с душистым запахом плавящегося воска, делая воздух в комнате невыносимо едким.

Последнее свое нападение эльдары совершили на планету Каэрнус IV, и в информации, предоставленной губернатором, было указано, что в этой резне удалось выжить лишь одному человеку.

Теперь, когда Уриэль увидел этого человека, которого член городской управы назвал Гедриком, своими глазами, сердце капитана сжалось от жалости.

Ультрамарины прибыли на Каэрнус IV, чтобы получить информацию непосредственно от живого свидетеля событий, и Уриэля не покидало странное чувство, что поговорить с Гедриком ему жизненно необходимо.

Сержант Пазаниус наклонился к Уриэлю и прошептал:

— Думаешь, он еще поживет?

В ответ Уриэль неопределенно покачал головой:

— Селенус утверждает, что нет, но этот парень — боец. По большому счету он уже давно должен быть на том свете, но какая-то сила поддерживает в нем жизнь.

— Что же это за сила?

— Не знаю, Пазаниус, не знаю... Член городской управы сказал, что не позволил их доктору даровать парню Покой Императора. Этот Гедрик все повторял, что ждет ангелов. Что у него есть какой-то дар для них.

— Что бы это значило? — усмехнулся Пазаниус. — Должно быть, он просто бредил от боли.

— Не думаю, — прошептал Уриэль. — Я полагаю, что он ждал нас.

— Нас? Откуда он мог знать, что мы придем? Уриэль снова пожал плечами:

— Говорят, что тем, кто ощущает прикосновение смерти, но продолжает жить, Император иногда дарует видения и чудесные силы. То, что он выжил, — чудо, и, возможно, этой причины достаточно, чтобы поверить ему.

Пазаниуса, похоже, мало убедили доводы капитана.

— Я всегда говорил, что годы, прожитые в подземельях Калта, не могли не сказаться на тебе, капитан. Ты и в самом деле думаешь, что раз этот бедняга еще не умер, то его коснулся сам Император?

— Возможно... Я не знаю, Пазаниус. Говорят, почитаемая святая Капилена прожила три дня после того, как пуля вошла ей в сердце, что Император не дал ей упасть, пока она не привела войска к победе над мразью Хаоса на той планете, что теперь носит ее имя. Я не могу дать тебе рационального объяснения, друг мой, но внутренний голос подсказывает мне: что-то поддерживало в нем жизнь не просто так. Я не могу этого объяснить, у меня просто есть такое чувство.

— Ну вот ты и заговорил, как Айдэус, — проворчал Пазаниус. — Я всегда знал, что, когда в нем просыпалось «какое-то чувство», это означало лишь то, что нас ждут серьезные неприятности.

Доктор Селенус отошел от койки умирающего и поклонился Уриэлю:

— Брат капитан, для него больше ничего нельзя сделать. Я наложил мази, которые предотвратят заражение раны, и перевязал их, как мог, но все это — бесплодные усилия. Он скоро умрет. Ничто не в силах помешать этому.

— Ты сделал все, что мог, брат, — ответил Уриэль. Когда Селенус проходил мимо, он положил

руку на наплечник аптекаря и добавил: — Помни, Селенус, оказание помощи тем, кто в ней нуждается, это всегда бесплодные усилия. Присоединяйся к остальным, а я попробую поговорить с парнем. Думаю, он дожидался нас и у него есть что мне сказать. Селенус кивнул:

— Как пожелаете, брат капитан.

Наклонив голову в дверном проеме, аптекарь вышел из зловонной комнаты. Уриэль и Пазаниус приблизились к постели умирающего и встали на колени у ее изголовья.

Уриэль снял шлем, поставил его на пол, вымощенный плиткой, и провел рукой по волосам. Он склонился к Гедрику, стараясь не вдыхать ужасный запах поджаренного человеческого мяса.

Веки юноши задрожали, когда он почувствовал близость Уриэля, его грудь поднялась, и он сильно втянул в себя воздух.

Голова Гедрика наклонилась в сторону Уриэля. Пока он с трудом произносил слова, на его растрескавшихся, вздутых губах выступила прозрачная жидкость.

— Я верил, я знал, что вы придете, — шептал он, и слова его были едва слышны.

— Да, мы пришли. Я — Уриэль Вентрис из Ультрамаринов.

Гедрик кивнул, уголки его измученных губ приподнялись в усталой улыбке.

— Да, я видел тебя, когда смотрел в приближающуюся ночь.

— Ты видел меня? — спросил Уриэль, бросив в сторону Пазаниуса удивленный взгляд.

Сержант лишь пожал плечами, не скрывая своего недоверия.

? — Да, тебя и Смерть Миров. Свет и Тьму — два воплощения одного и того же ангела.

Уриэль отчаянно пытался вникнуть в смысл этих загадочных слов. Смерть Миров? Свет и Тьму? Неужели Пазаниус был прав? Может быть, у парня съехала крыша после того, что ему пришлось увидеть и испытать?

— Ты знаешь, почему на вас напали? — продолжал его расспрашивать Уриэль. — Ты можешь что-нибудь рассказать о том, кто это сделал с тобой?

— Они пришли за металлом... Человек машины вырвал его сердце, и теперь он умирает.

Уриэль окончательно был сбит с толку. Каэрнус IV был сельскохозяйственной планетой. Согласно документам Сегментума, здесь нет залежей металла, которые стоило бы разрабатывать. Определенно ничего такого, что стоило бы гибели целой общины.

— Я не понимаю, Гедрик. Что за человек машины? Киборг? Сервитор? Что за металл?

— Металл, который течет. Он теперь умирает. Мой меч... Я выковал его сам. Теперь он умирает...

Пазаниус поднял кожаные ножны, лежавшие подле койки, и сжал оббитый проволокой эфес оружия. Он вытянул заржавленный меч из ножен и поднес его поближе к свече.

Рассматривая клинок, Уриэль и Пазаниус обменялись изумленными взглядами. По контуру он испускал слабое голубоватое сияние, смутно озарившее комнату. Сами же лезвия клинка оставались серебристыми, так как скрытая в сердце меча пульсирующая вена неестественно коричневого цвета конвульсивно вибрировала — жизнь по капле покидала клинок. Бесформенные пятна черноты постепенно заполняли прозрачный металл, и Уриэль видел, как они медленно распространялись по всему клинку. Он прошелся перчаткой по плоскости меча, и на пол посыпались хлопья мертвого металла.

— Гедрик, что происходит с мечом?

— Он умирает. Беловолосый и человек машины пришли и убили Металлический холм, и теперь весь он умирает. Они убили Маэрен и Руари. — Бесцветные глаза Гедрика наполнились слезами. — Я не понимаю за что, мы бы поделились с ними.

— Беловолосый? Он пришел с человеком машины?

— Да. С человеком машины, священником машин.

Уриэль и Пазаниус, не сговариваясь, пришли к одному и тому же заключению. Священник машин — это могло означать только одно. Но служитель Бога-Машины, техножрец Адептус Механикус, работающий с ксеносами? Сама мысль об этом казалась абсурдной.

— Не может быть, чтобы он имел в виду именно это... — начал Пазаниус.

— Нет, конечно нет, — согласился Уриэль. — Гедрик, я думаю, ты мог ошибиться.

— Нет! — прохрипел Гедрик, слабо качая головой на заляпанной кровью подушке. — Ангел, которому ты служишь, велел мне передать эти слова. Смерть Миров и Несущий Ночь ожидают возрождения в этой галактике. Появится один из них или никто — выбор-в твоих руках.

— Нет! — прохрипел Гедрик, слабо качая головой на заляпанной кровью подушке. — Ангел, которому ты служишь, велел мне передать эти слова. Смерть Миров и Несущий Ночь ожидают возрождения в этой галактике. Появится один из них или никто — выбор в твоих руках.

— Что это значит? Сказал тебе... Ангел... Что это все значит? Прошу тебя, Гедрик, ответь!

Гедрик глубоко вздохнул, и вздох этот застыл в его горле. Голова несчастного безвольно откинулась назад. Юноша прошептал:

— Пожалуйста, приведите священника. Я хочу исповедаться...

Уриэль кивнул и произнес:

— Сержант Пазаниус, приведите капеллана Клозеля, слуга Императора ждет его помощи.

Сержант поклонился и вышел из комнаты, в которой поселилась смерть, а Уриэль присел на край постели рядом с умирающим. У него кружилась голова при мысли о техножреце, работающем на эльда-ров. Кто мог бы представить себе такое? А Смерть Миров, Несущий Ночь... Кто они?

Заслышав в коридоре тяжелые шаги капеллана Клозеля, Уриэль повернулся и встретился взглядом с покрытым боевыми шрамами воином-священником.

— Он достойно служил Императору, брат капеллан. Выслушай его исповедь. Я подожду тебя снаружи.

— Будет сделано, мой капитан.

Уриэль взглянул на смертную маску из повязок, в которую превратилось лицо юноши, и, встав по стойке «смирно», ударил кулаком по нагрудной пластине силового доспеха:

— Гедрик из Плеса Мортена, я отдаю честь твоей отваге. Да пребудет с тобой Император.

Уриэль повернулся, нырнул в дверной проем и покинул здание.

Пазаниус и тридцать воинов-Ультрамаринов ожидали его в центре поселения. Вдали за домами Уриэль увидел приземистый корпус их шаттла. Группы перепуганных горожан наблюдали за ними с окраины Плеса Мортена.

Подхватив свой болтер, Пазаниус легко закинул его за спину и подошел к капитану.

— Мы готовы к отправлению, капитан, ждем только твоего приказа.

— Очень хорошо, сержант.

— Могу я задать вам вопрос, капитан?

— Конечно, Пазаниус.

— Ты ему поверил? Насчет ангела?...

Уриэль не сразу ответил старому другу. Он посмотрел на горы, окружающие городок, — те вздымались к облакам, перед их величием все достижения человечества казались смешными и незначительными. Говорят, что жизнь человека словно искра во мгле и что к тому времени, как ее заметят, она уже исчезает, уступив место более ярким и многочисленным искрам.

Уриэль не желал с этим соглашаться. Были такие мужчины и женщины, которые яркими кострами разгоняли тьму, которые стойко и с достоинством держались в невообразимой безбрежности Вселенной. То, что они, как и свойственно людям, в конце концов умирали, уже не имело значения.

То, что они держались и как они держались, — вот что имело значение.

— Поверил ли я ему? — переспросил Уриэль. — Да. Не знаю почему, но поверил.

— Еще одно чувство? — простонал Пазаниус.

— Да.

— А что он имел в виду, как ты думаешь? Смерть Миров и Несущий Ночь? Не знаю, как тебе, а мне лично все это не нравится. Все эти штучки не сулят грядущему ничего хорошего.

— Кто знает, друг мой, кто знает... Возможно, эксперт Барзано сможет пролить свет на эти вещи, когда мы вернемся на Павонис.

— Возможно, — недовольно проворчал Пазаниус.

— Барзано тебе не нравится?

— Не мое это дело — критиковать эксперта Администратума, — холодно ответил Пазаниус. — Но он не похож ни на одного из бюрократов, которых я когда-либо встречал.

Капеллан Клозель в черных доспехах вышел из маленького городского лазарета и присоединился к капитану Четвертого подразделения:

— Все закончилось, мой капитан. Его душа теперь с Императором.

— Благодарю, капеллан.

Клозель поклонился Вентрису и занял место среди остальных воинов.

— Каковы будут распоряжения, капитан? — сменил тему Пазаниус.

Бросив взгляд на лазарет, Уриэль ответил:

— Заберите парня, сержант. Мы отправляемся в Плес Мортена и с почестями похороним его на родине.

— Я все еще не могу в это поверить, Казимир. Она должна была пробкой вылететь оттуда, а я — сидеть во дворце на ее месте. — Злость переполняла Вендаре Талуна. — Все эти годы переговоров с меньшими картелями, все — псу под хвост!

Казимир де Валтос протянул своему приятелю — главе картеля — хрустальный стакан с ускаваром и опустился в кресло напротив него. Друзья сидели в обшитой деревянными панелями гостиной имения де Валтоса в Оусен Хиллз. Талун принял из рук де Валтоса стакан, не отрывая взгляда от ревущего пламени в мраморном камине.

— Она скоро уйдет, Вендаре. Она не может держаться вечно.

— Эта сука должна была уйти сейчас! — проревел Талун, швырнув свой стакан в камин, и тот со звоном разлетелся на мелкие осколки. — Да проклянет ее душу Император! Мы были так близки к цели. Что же нужно, чтобы избавиться от нее? Все меньшие картели были у нас в кармане, и даже без этого мудозвона Аброгаса у нас было явное большинство.

— Что ж, если она не уйдет сама, ей можно помочь, — предложил де Валтос.

. — Как? О чем ты говоришь?! Мы затеяли это чертово голосование, но этот проклятый Барзано выбил у нас почву из-под ног. Будь он проклят, но сам-то я хорош, думал, что он пустоголовый тупица, как и все эти люди из центра.

— Эксперт — это не проблема.

— В самом деле?

— Конечно. Если он станет доставлять слишком много неприятностей, мы в любой момент сможем от него избавиться.

— Не глупи, Казимир. Ты не можешь просто так убить Имперского эксперта.

— А почему бы и нет? Он что, сделан не из мяса и костей, а из стали?

— Ты это серьезно?

— Серьезнее не бывает, — заверил Талуна де Валтос. — И в любом случае кто его хватится? Он всего лишь один из миллионов чиновников.

— В Империи, может, и не хватятся, а вот у того капитана Ультрамаринов, возможно, найдется что сказать по поводу его исчезновения.

— Да не думай ты о нем, дорогой Талун.

— И все же я не совсем уверен, Казимир, что это правильное решение.

— Неужели это решение чем-то хуже того, что мы планировали для картеля Шонаи? Твои танки, так же как мои пушки, ожидают в горах, Вендаре.

— Это совсем другое дело, Казимир. Это мы делали во имя блага Павониса.

Де Валтос рассмеялся глухим, скрежещущим смехом. Станный это был смех: не было в нем никакого веселья.

— Перестань строить из себя целку, Вендаре Талун. По крайней мере не передо мной. Я слишком много знаю о твоих делах. Да и у твоего сына-идиота, кстати, слишком длинный язык, а у его будущей женошки — и того хуже. И она треплет им не в тех местах и не при тех людях.

Талун вспыхнул и поднялся из кресла, зашагал взад-вперед по комнате и в итоге остановился перед столом с графином, чтобы плеснуть себе в стакан ускавара. Руки его тряслись, и стакан звенел, когда он наливал себе добрую порцию янтарного напитка.

— Полагаешь, тебе что-то известно, но все это — клевета, — изрек он в конце концов.

— Конечно клевета. Я верю тебе, Вендаре, — успокоил его де Валтос, гаденько улыбаясь в спину своего компаньона. — Но есть много людей, которые будут рады увидеть, как картель Талун, и особенно ты, рухнут. И ты знаешь, как быстро прилипают обвинения к репутации человека, даже если потом будет доказано, что все они ложные. Да ты вспомни, что

произошло, когда ты пустил слух о Хонане и его, хм, любовных связях.

— Но все это было правдой.

— Очень может быть, но это не меняет сути вещей. Было бы позором для тебя, если бы определенные слухи о смерти твоего брата стали достоянием общественности. Это означало бы конец наших договоренностей, поскольку я не могу позволить себе быть замеченным в связях с человеком виновным. Хорошо, не виновным, а просто заподозренным в братоубийстве.

— Проклятие! Ладно, Казимир. Тебе удалось убедить меня. Итак, каковы твои планы? — спросил Талун, возвращаясь на свое место.

— Все те же, — снова улыбнулся де Валтос. — Мы все сделаем так, как и планировали.

Шел проливной дождь, когда заляпанный грязью «Громовой Ястреб» прошел над руинами Плеса Мортена. Когда шаттл сел на центральной площади поселения, его рокочущие двигатели превратили грязную лужу в облако пара.

Двигатели еще хрипло урчали, но, едва ползковые шасси корабля коснулись земли, его бронированные двери плавно скользнули назад по смазанным бегункам, и три отделения Ультрамаринов, споро высадившись, рассредоточились по городку. Два встали по периметру селения, а третье, под предводительством Уриэля, двинулось к обгоревшему остову здания, которое, очевидно, некогда было храмом.

Уриэль водил болтером из стороны в сторону. Ливень до минимума сокращал видимость, и даже сенсоры, вмонтированные в силовые доспехи капитана, с трудом прошупывали окружающий мрак.

Уриэлю не удавалось различить ни движения, ни малейших признаков жизни — все говорило о том, что уже много недель в этом городке нет ничего живого.

— Сектор один, чисто! — прозвучал голос в комм-линке.

— Сектор два, чисто!

— Сектор три, чисто!

Уриэль опустил болт-пистолет и закрепил его на бедре.

— Всем сержантам — ко мне! Остальным охранять периметр! — приказал он.

Через несколько секунд сержанты Венакус, Дардино и Пазаниус с тяжелым оружием поддержки отделения собрались возле лестницы храма.

— Я хочу, чтобы это место обыскали вдоль и поперек, дом за домом. Исходим из того, что окружение враждебно. Если что-то обнаружите, докладывать незамедлительно!

— Что мы ищем, капитан? Выживших? — спросил Венакус.

— Что-то необычное. Здесь может быть ключ к разгадке того, что делают эльдары в этой системе. А если это так, я хочу, чтобы вы это нашли.

Уриэль показал на следы выстрелов на почерневших стенах храма позади себя:

— Здесь погибли слуги Императора, и я хочу знать за что.

Уриэль снял шлем и запрокинул голову — так, чтобы капли дождя падали на лицо. Он сделал глоток, но тут же выплюнул эту воду в грязь. Разглядывая разбитые двери храма, он провел рукой по своим коротким черным волосам, другой же рукой он погладил обожженное дерево храмовых ворот, ощущая под ладонью выщербины от выстрелов.

Достав боевой нож, он вонзил его в одну такую выщербину и стал раскачивать им из стороны в сторону.

Что-то выпало из дерева ему в ладонь, и он поднес это к глазам. В углублении силовой перчатки Вентриса набралась дождевая вода, но в этой воде был четко виден длинный иззубренный осколок фиолетового кристалла. В стене таких были десятки, и по тому, как они были сгруппированы, Уриэль смог с уверенностью сказать, что выстрел по воротам был всего один.

Из тех скудных сведений об эльдарах, которые Уриэль успел почерпнуть перед путешествием на Павонис, он знал, что любимое оружие этой расы стреляет градом острых мономолекулярных металлических дисков. Но Уриэль слышал и о другом оружии, в котором применялись именно такие боеприпасы, — им располагали некоторые подгруппы эльдаров.

В части документов эта подгруппа определялась как отколовшаяся от расы эльдаров секта, но для Уриэля все они были одного поля ягода: мерзкие чужаки, очистить которых мог лишь священный огонь его болтера.

Распахнув двери, Уриэль вошел в храм, с трудом сдерживая гнев, охвативший его при виде надругательства над святыней. От обожженного дерева все еще исходило зловоние растопленного огнем человеческого жира, но не это было самым страшным: Уриэль рванулся в переднюю часть церкви, где под сломанной скамьей лежала почерневшая статуя богоподобного Господина Человечества. Он вытащил статую и, хотя та была весьма тяжелой,

поднял ее из обломков.

За храмом капитан увидел покрытый грязью склон холма, у основания которого сгрудились вкопанные в землю незамысловатые могильные камни.

Капитан вышел из храма со статуей на плече, погрузившись в размокшую под дождем грязь по икры. Уриэля опечалило само количество могил. Должно быть, люди, обнаружившие Гедрика и ухаживавшие за ним все эти дни, выкопали их для людей из Плеса Мортена.

— Пазаниус, — вызвал Уриэль сержанта по комм-линку. — Я за храмом. Принеси сюда из «Ястреба» тело парня. Его следует похоронить здесь, рядом с его людьми.

— Принято, — прозвучал в ответ голос ветерана.

Опустив спасенную статую на землю рядом с собой, Уриэль молча дожидался под дождем прихода Пазаниуса.

Сержант Пазаниус медленно обходил храм, неся на руках перебинтованное тело Гедрика с завязанным вокруг талии зеленым плодом Каэрнуса IV и мечом на груди. За огромным сержантом, который почтительно обходил могилы, следовал почетный караул Ультрамаринов.

Уриэль кивнул своему' другу и повернулся к стоявшим за ним воинам:

— Найдите могилу с именем Маэрен. Мы похороним Гедрика рядом с его женщиной.

Ультрамарины разбрелись по кладбищу, читая имена на деревянных крестах, и через несколько минут могила жены и ребенка Гедрика была найдена. В нее и опустили тело юноши.

Уриэль прошел между могилами к самому подножию холма, туда, где земля уже начинала подниматься, намереваясь установить там статую Императора, чтобы Он с высоты мог взирать на свою покойную паству. Подняв статую высоко над головой, он с силой опустил ее на землю. Раздался глухой, смягченный грязью звон камня о металл.

Вытащив статую, Уриэль отложил ее в сторону и, опустившись на колени, принялся разгребать грязь у себя под ногами.

На глубине около полуметра мягкая, хлюпающая грязь сменилась влажным, слоистым металлом. Расчистив небольшое пространство, Уриэль открыл пронизанный ржавчиной пласт металла.

— Сержант! — крикнул он. — Иди сюда со своим отделением. Думаю, мы нашли Металлический холм, о котором говорил парень.

Через полчаса Ультрамарины очистили от грязи большой кусок склона холма, и Уриэль был поражен масштабами того, что оказалось под слоем земли. Там лежали пласты заржавленного металла, в его прозрачных глубинах было полным-полно таких же отвратительных коричневых червеобразных завитков, которыми кишел меч Гедрика.

— О кровь Жиллимана! — воскликнул Дардино, увидев обнаженный склон. — Что это?

— Понятия не имею, — ответил Уриэль. — Но что бы это ни было, эльдар, очевидно, считал, что за это стоит убивать.

Уриэль и Пазаниус поднялись по склону к треугольной впадине в центре плоской поверхности металла. Под их бронированными башмаками металл крошился, и каждый шаг Ультрамаринов сопровождался пронзительным скрипом. Коррозия сходилась в центральной точке, и Уриэль понял, что вскоре от металла не останется ничего. Они с Пазаниусом присели на корточки у впадины в поверхности металла.

Внутри впадина оказалась усеяна гнездами с торчащими из них проводами, которые уходили в глубь металлических пластов.

Назначение этой ниши было тайной, но раньше она явно содержала какое-то тело цилиндрической формы. Может, то, что этот таинственный предмет был извлечен чужаками, и вызвало умирание металла? Ниша была окружена древними надписями, и Уриэль провел пальцем по контуру незнакомых букв.

— Ты можешь это прочесть? — поинтересовался Пазаниус.

— Нет, но даже если б я и мог, то не стал бы делать это. Эти знаки явно чуждого происхождения, так что лучше уж пусть их нечестивый смысл останется для нас тайной. Но мы должны буква в букву переписать их для тех, кто занимается исследованием таких тайн.

Уриэль стер ржавчину и грязь со своих доспехов.

— Возьми образец — отвезем его на крейсер. Быть может, техножрецы смогут распознать это вещество и расшифровать надпись.

Уриэль зачерпнул пригоршню металла, смешанного с землей, и смотрел, как медленно стекает между его пальцев жидкая грязь.

— Не нравится мне это, Пазаниус. Когда ксеносы начинают действовать непривычным образом, это меня беспокоит.

— Что значит — непривычным образом?

— Ну вот взгляни на это место. Каждое тело в своей могиле — человек двести примерно. Достаточно для такого городишки, согласен?

— Согласен.

— Дальше. Ты проверял остатки зданий, было там что-нибудь взято?

— Трудно сказать, но пожалуй что нет. Похоже, все было не разграблено, а просто сожжено дотла.

— Вот об этом-то я и говорю. Почему они никого не взяли в плен? Ты когда-нибудь слышал, чтобы эльдары просто убивали людей, когда их можно было захватить для пыток и рабства? Нет, эти чужаки пришли сюда только ради того, что было в том металле.

— А что же это было, ты как думаешь? Какое-нибудь оружие? Может, что-нибудь имеющее для них священную ценность?

— Это меня и беспокоит, дружище. Что это, я не знаю, а гадать не берусь. Я постепенно прихожу к мысли, что мы столкнулись с чем-то гораздо более серьезным, нежели просто чужаки-пираты.

Ультрамарины вернулись к подножию холма и от него прошли в центр разрушенного городка. Дождь уже даже не лил, а стоял сплошной стеной, но Уриэлю нравился этот холодный поток, очищавший не только доспехи, но и, казалось, душу капитана от зловещего предчувствия, которое охватило его, когда он стоял на холме.

Перед ним была загадка, и он, однако, никак не мог решить, с какой стороны к ней подступиться. У эльдара явно была веская причина рисковать. Нападая на один из миров Империиума, эльдар не мог не знать, что тем самым навлекает на себя гнев Императора. Не было еще такого случая, чтобы ксеносы совершили нечто подобное просто ради удовольствия.

Но не успел Уриэль как следует поразмыслить над этим, как его раздумья были прерваны шорохом статики в коммлинке, а затем он услышал взволнованный голос лорда адмирала Тибериуса:

— Капитан Вентрис, немедленно возвращайтесь на корабль. Повторяю, возвращайтесь на корабль немедленно!

— Лорд адмирал, в чем дело? Что-то случилось?

— Разумеется. Я только что получил сообщение, что корабли обороны системы около восьмой планеты примерно два часа назад встретили судно с аномальными характеристиками двигателей и открыли по нему огонь.

— Значит, кто-то явно прислушался к нашим предупреждениям. Они уничтожили судно ксеносов?

— Нет, не думаю, что им удалось с ним справиться, но они погнали его в нашем направлении. Мы почти на его пути, капитан. На вражеском судне не могут знать, что мы здесь. Так что устроить засаду на этих ублюдков — святое дело.

Уриэль улыбнулся, уловив, несмотря на помехи связи, мстительное злорадство, охватившее адмирала.

— Сколько вам понадобится времени, чтобы добраться до корабля, Уриэль?

— Мы будем готовы меньше чем через минуту, лорд адмирал. Передайте данные систем наблюдения на авионику «Громого Ястреба».

— Поторопитесь, Уриэль. Они двигаются быстро, и другого такого случая нам может не представиться.

— Скоро увидимся, адмирал. Конец связи.

Уриэль водрузил шлем на голову и обратился к своим воинам:

— Противник, за которым мы пришли, приближается к нашей позиции, и у нас есть возможность отомстить за тех, кто пал жертвой их предательского нападения. Честь требует, чтобы мы приняли этот вызов. — Уриэль извлек из ножен энергетический меч, взмахнул им в воздухе и воскликнул: — Вы готовы к бою?

Воины Четвертой роты как один дружным ревом подтвердили свою готовность.

Арио Барзано возлежал развалившись на своей кровати, потягивая ускавар из стакана, и не спеша просматривал пачку бумаг, доставленных в его комнаты мрачным сержантом Леаркусом. Барзано сполна вкусил сержантского гнева, когда вернулся с Дженной Шарбен во дворец после экскурсии по производственным кварталам города.

Эта пара посетила немало пивных и прочих сомнительного вида забегаловок, но выяснила лишь, что повсюду перешептываются о грядущей массовой демонстрации. Тамошняя публика по большей части высмеивала правителей планеты да судачила о несчастной участи рабочего люда. После трех потраченных впустую часов Арио и Дженна решили, что на сегодня с них хватит, и, измученные, вернулись во дворец.

Положение на Павонисе во многом оказалось куда более серьезным, чем Барзано изначально представлял себе. В ходе его расследования на свет выплывало нечто более значительное, чем ущерб от пиратства и беспорядки среди населения.

Эксперт сложил бумаги в стопку и, опустив ноги на пол, устало потер переносицу и глубоко вздохнул. Встав, Барзано подошел к столу, где среди тарелок с остатками давно остывшего ужина лежала развернутая карта системы. До его слуха смутно доносились настойчивый скрип перьев и тихие разговоры клерков. С ними был Лортуэн Перджед, который руководил их работой и критически оценивал результаты их трудов, и Барзано невольно улыбнулся при мысли об этом старике. Все последние несколько недель Перджед был ему надежной опорой, и Барзано сомневался, что ему удалось бы справиться со столь трудной задачей без его помощи. Впрочем, до решения этой задачи было еще далеко.

Барзано встряхнул головой и, сосредоточив все свое внимание на карте, поставил стакан на ее закручивающийся угол.

Синяя чернильная линия отображала курс крейсера «Горе побежденному», и Барзано подумал: а достаточно ли будет одного этого корабля? Он тут же отбросил эту мысль. Если «Горе побежденному» не сумеет предотвратить возвращение «Приносящего Тьму», тогда и весь боевой флот Ультима Сегментум окажется здесь бессилён.

Эти мысли угнетали его, и Барзано вновь до краев наполнил опустевший стакан.

— Может, не стоит так налегать на этот напиток? — спросил Лортуэн Перджед, бесшумно появившись из тени коридора. — Он довольно крепкий, знаете ли.

— Да знаю, знаю... Но он дьявольски хорош, — ответил Барзано, наливая стакан ускавара Перджеду.

Перджед взял его и присел на край кровати. Он пригубил напиток, и глаза старика округлились и заслезились.

— Да, довольно крепкий, — подтвердил он, сделав еще глоток. — И хорош, но именно что дьявольски хорош.

Барзано уселся в кресло перед дисплеем своего терминала и взял свой стакан.

— Так что ж ты до сих пор бодрствуешь, Лортуэн? Старый эксперт пожал плечами:

— Да сейчас больше и делать-то нечего.

— Верно, — согласился Барзано. — Не нравится мне эта тактика выжидания.

— А раньше, помню, ты этим наслаждался. Ожидал, пока твоя добыча сделает ошибку и приплывет тебе прямо в руки.

— Правда? Я уж и забыл.

— Да, некогда ты был весьма терпеливым охотником.

— Когда ж это было? — фыркнул Барзано.

— О, всего лишь несколько добрых десятилетий назад.

— С тех пор многое изменилось, Лортуэн. Едва ли я теперь тот, кем был тогда.

— Ну надо же, что-то ты сегодня не в духе, Арио. Не святой ли Джосмэн сказал, что следует радоваться любому служению Императору?

— Да, но бьюсь об заклад, что ему никогда не приходилось заниматься тем, чем сейчас вынуждены заниматься мы.

— Согласен, — признался Перджед, — но он же был мучеником, и его убили, Император упокоил его святую душу.

— Правда, — рассмеялся в ответ Барзано, — я вот был бы счастлив избежать его судьбы.

— Если начистоту, то и я тоже, — согласился Перджед, поднимая стакан.

Барзано потер висок и с напряжением закрыл глаза, сильно сжав веки. Потянувшись через стол, он достал маленькую стеклянную баночку с белыми капсулами.

— Голова болит?

Барзано молча кивнул, проглотив две капсулы и запив их ускаваром. Покачав головой, он высунул язык, стараясь избавиться от их неприятного вкуса.

— Еще хуже, чем прежде. Я чувствовал это с самого момента посадки, словно нечто больше и старше самого времени давит на мой мозг.

— Тогда, может, не стоит налегать на ускавар. Он не поможет.

— Напротив, мой дорогой старый друг, это-то как раз единственное, что хоть как-то помогает. Скрыть все в алкогольном тумане — одно из немногих наслаждений, которые у меня еще остались.

— Нет, это говорит совсем не тот Арио Барзано, которому я служу уже тридцать лет.

— А кто же я тогда такой? Другого Арио Барзано я не знаю: эксперт, бригадир людского муравейника, придворный, торговец-мошенник? Кто тот Арио Барзано, которому ты служил тридцать лет?

— Слуга Императора, который никогда не колебался, выполняя свой долг. Может, ты-то сам уже и не помнишь, кто ты, но зато это помню я, и мне больно видеть, что ты с собой делаешь.

Барзано кивнул и поставил стакан на стол с преувеличенной осторожностью.

— Прости, друг мой. Конечно, ты прав. Чем скорее мы здесь закончим, тем лучше.

— Не нужно извиняться, Арио. В свое время я служил многим господам, и с каждым из них работать было намного тяжелее, чем с тобой. Но давай-ка сменим тему. Был ли еще сеанс связи с крейсером «Горе побежденному» и капитаном Вентрисом?

— Нет, после их прибытия на Каэрнус IV связи с ними не было.

— Как ты думаешь, они смогут остановить эльдара?

— Думаю, если кто и способен на это, то только Уриэль. Не верю, что он из тех, кто легко сдается. Знаешь, он ведь протеже капитана Айдэуса.

— Да, я помню, читал его отчет с Тресии. Ты поэтому его выбрал?

— Отчасти поэтому, но ему есть что показать и без рекомендаций, и именно такого человека я хотел бы видеть рядом с собой, когда дело дойдет до финальной схватки.

— И ты надеешься, что Уриэль мог унаследовать нетрадиционное мышление Айдэуса?

— Надеюсь? — рассмеялся Барзано. — Мой дорогой Лортуэн, я на это рассчитываю!

Уриэль не отрывал взгляд от экрана, глядя, как стремительно сближаются корабль эльдаров и крейсер «Горе побежденному». Экраны «Громового Ястреба» призрачно-зелеными линиями отображали векторы их сближения. Встреча произойдет скоро, вражеское судно шло на большой скорости, а Уриэлю и его людям нужно еще успеть вернуться на крейсер. Хватит ли им на это времени, вот в чем вопрос... Указав рукой на светящийся экран, он спросил:

— Сколько нам осталось до встречи с крейсером? Сверившись с приборами, пилот ответил:

— Двадцать шесть минут, капитан.

Итак, двадцать шесть минут. Добавим еще пятнадцать на дозаправку, восемь, если будем заправляться на ходу с работающими двигателями. Кодекс Астартес строго запрещал столь опасную практику, но сейчас каждая секунда была на вес золота, и Уриэль не мог позволить себе потерять ни одну из этих драгоценных секунд. С другой стороны, на крейсере это был единственный действующий челнок, и если он взорвется в пусковом отсеке...

— Можем ли мы добраться до корабля эльдаров без дозаправки?

— Можем ли мы добраться до корабля эльдаров без дозаправки?

— Нет, сэр.

Уриэль выругался. Вряд ли им еще представится такая прекрасная возможность схватиться с эльдаром, но, черт возьми, они по рукам и ногам скованы расстоянием и логической необходимостью. А что если...

...Если только не заставить эльдара самого повернуть в их сторону!

— Немедленно соедини меня с лордом адмиралом! В тот же миг второй пилот связался с крейсером.

— Адмирал, это капитан Вентрис. Я не верю, что нам хватит времени добраться до вас и дозаправиться раньше, чем эльдар окажется в зоне досягаемости.

— О чем ты говоришь? — прогремел с командного мостика голос лорда адмирала Тибериуса. — Ты должен дозаправиться, тебе не хватит топлива, чтобы добраться до эльдара!

— Я знаю это, адмирал, но если мы повернем к крейсеру, то упустим возможность схватиться с ними на их собственном корабле. А вы сможете подобрать нас, когда мы там закончим.

Динамики потрескивали, Тибериус размышлял над предложением Уриэля. Затем он осторожно сказал:

— Я не считаю, что это разумно, капитан Вентрис. По-своему вы можете быть правы, но это противоречит всему, что написано в Кодексе Астартес относительно боевых операций на кораблях.

— Знаю, но сейчас это лучшая возможность вывести их корабль из строя. Если мы доберемся до мостика, то сможем изрядно их потрепать. Так что если вам удастся направить их в нашу сторону прицельным огнем батарей, мы сможем сманеврировать более эффективно и занять

наиболее выгодную позицию, чтобы прорваться к ним.

— Хорошо, капитан Вентрис, но в корабельном журнале я отмечу, что я, как командир крейсера, не одобряю ваше вопиющее неуважение к словам священного примарха.

— Это ваше право и привилегия, адмирал, но давайте поговорим об этом позже. Враг приближается.

Архонт Кешарк с любовью и даже нежностью поглаживал свой топор, лезвие которого было липким от крови палубного офицера, ответственного за содержание и обслуживание гало-полей, и в предвкушении новой крови скрежетал зубами. Налет на последнее место, указанное кайерзаком, оказался до смешного легким. Этот бестолковый монки отдался на милость победителя, не понимая, что с них и взять-то нечего. Он, грозный Архонт Кешарк, вырвал из тел их визжащие души и похитил то, что они увезли с астероида. И только в силу нелепого стечения обстоятельств рядом оказались эти громыхающие суда мон-ки, но Кешарка это ничуть не обеспокоило. Им было далеко до «Всадника бури», и он надменно направил корабль между ними, рассчитывая, что гало-поля помешают их примитивному вооружению. Так оно и было, пока в результате повреждений, полученных во время стычки с кораблем Астартес, гало-поля не отказали. Он знал, что в силах остаться и принять бой. «Всадник бури» легко одержал бы победу над теми судами, но сейчас они везли последний фрагмент ключа, и его ценность была куда выше нескольких мгновений брэнной славы. Член экипажа, ответственный за гало-поля, был сурово наказан, а тот, что заменил его, сейчас занимался их ремонтом.

Думая о драгоценном трофее, которым он теперь обладал, Кешарк представил себе Аздрубаэля Векта, рыдающего и умоляющего сохранить ему жизнь. О, рыдать и молить о пощаде он будет долго, смерть его будет мучительной.

Предвкушая сладость мести, он понимал, что наступает критический момент. Кайерзак, безусловно, попытается лишить его добычи, но сам он продолжает существовать лишь благодаря Кешарку, позволяющему Хирургу практиковаться в своем искусстве на его плоти. Кешарк понимал, что одной угрозы будет недостаточно, чтобы заставить его воздержаться от попытки неповиновения. Кешарку уже доложили, что техножрец кайерзака, который находился с ними на корабле, предпринял несколько попыток получить противоядие от токсина, постоянно разрушающего тело его хозяина.

Но Кешарк знал и то, что все эти попытки оказались тщетны, да и в будущем у него вряд ли что-нибудь получится. До того как Хирурга разжаловала ассоциация, он был известен как один из лучших знатоков ядов в Кабале, и возможности его смертоносного мастерства портили Архонту аппетит во время каждого приема пищи.

Нет, кайерзаку не добиться успеха, и вскоре, уже в ближайшие месяцы, он, Архонт Кешарк, наконец позволит Хирургу замучить это презренное создание до смерти.

Архонт бросил взгляд на экран обзора, подсчитывая, сколько потребуется времени, чтобы добраться до Павониса.

Немного. Совсем немного.

* * *

— Ты держишь его на прицеле, Филотас? — еле слышно прошептал лорд адмирал Тибериус, словно громкая речь на «Горе побежденному» каким-то образом может быть услышана эльдаром. Его судно находилось сейчас как раз в центре главного экрана крейсера.

— Да, лорд адмирал, кажется, вражеский корабль лишен своих дезинтеграционных полей. Бортовые батареи сейчас готовятся к залпу.

— Превосходно, просто замечательно!

Тибериус нетерпеливо барабанил пальцами по деревянной панели своего пульта и жевал нижнюю губу. Не нравился ему способ ведения боевых действий, предложенный Уриэлем. Несмотря на все преимущества, которые сулил план капитана, он противоречил всему, чему адмирал научился за века космических битв. В священной книге Кодекс Астартес Жиллиман писал, что корабли должны идти в бой полностью оснащенными и что не следует идти на абордаж, не обезвредив батареи ближнего боя противника.

Не нравилось ему все это, определенно не нравилось, но адмирал понимал, что в сложившейся ситуации Уриэль прав. Вернуться на крейсер означало упустить идеальный шанс уничтожить вражеское судно. Ворваться на вражеский мостик — мечта любой абордажной группы, в случае успеха это означало пленение или смерть капитана противника. И все равно план капитана Вентриса ему не нравился, но Тибериус вынужден был с ним согласиться.

— Командиры бортовых батарей докладывают, что подготовка к залпу завершена. Цель в зоне досягаемости.

Мало вероятно, что на таком расстоянии огонь батарей Тибериуса будет точным, но в конце концов красота плана Вентриса заключалась не в этом. Если ждать дольше, противник скорее всего обнаружит его и исчезнет. Все, что требуется сейчас от Тибериуса, — спугнуть капитана вражеского корабля и направить его в сторону приближающегося «Громового Ястреба» Уриэля, выбросы двигателей которого скрыты близким соседством с планетой и ее атмосферой.

— Артиллеристам открывать огонь только по моей команде. Дать задний ход и запустить двигатели малой тяги' правого борта. Я хочу направить их над полярными областями, на трассу капитана Вентриса.

— Есть, лорд адмирал.

Уриэль посматривал на обзорную панель пилота, но мало что видел там кроме сияющих выбросов из атмосферы планеты над корпусом «Громового Ястреба». С крейсера им сообщили

положение эльдарского судна, и, если он приблизится еще хоть немного, они его достанут.

Технодесантник Харкус прочел молитвы над абордажным шлюзовым каналом шаттла и спецрядами, которые пробьют для Десантников путь в корпусе судна чужаков. Капеллан Клозель молился вместе с Ультрамаринами, благословляя болтер и меч каждого воина. Уриэль приказал выдать всем цепные мечи, понимая, что бой наверняка будет ближним и кровавым. Присоединившись к своим воинам, капитан извлек из ножен свой энергетический меч и склонился перед капелланом, чтобы получить его благословение.

— Грозный Архонт! Я обнаружил, что в трехстах тысячах километрах прямо по курсу происходит наращивание энергии!

Кешарк бросился к докладывающему офицеру и в ужасе уставился на дисплеи сенсоров.

В характеристиках двигателей ошибиться было невозможно. Вражеский корабль наращивал энергию в батареях, собираясь открыть огонь.

— Лево руля до отказа, снижаемся к планете! Скроемся в атмосфере!

— Бортовыми батареями — огонь! — приказал Тибериус. — И влево руля!

Исполинское судно содрогнулось, когда все батареи левого борта открыли ураганный огонь по кораблю эльдаров. Тибериус ухватился за края пульта, когда могучий крейсер начал разворот навстречу врагу, наводя на него главное носовое орудие.

Возможно, они вели бой и не по уставу, но, во имя Императора, они собирались поразить врага из своих самых мощных орудий.

Все бортовые батареи выпустили по цели огромные, размером с гигантское здание, разрывные реактивные снаряды. Но на таком, даже по космическим меркам большом расстоянии добрая их часть прошла мимо, разорвавшись в сотнях километров от «Всадника бури». Некоторые снаряды взорвались ближе, не причинив, однако, вражескому судну более или менее значительного ущерба, а лишь усеяв корпус и главный парус «Всадника бури» вращающимися осколками.

Корабль быстро менял курс, его иглообразный нос, повернув влево, резко нырнул в атмосферу планеты. Последовали очередные выстрелы, и над кораблем расцвел огромный взрыв — это вступило в бой главное носовое орудие ударного крейсера.

Корабль быстро менял курс, его иглообразный нос, повернув влево, резко нырнул в атмосферу планеты. Последовали очередные выстрелы, и над кораблем расцвел огромный взрыв — это вступило в бой главное носовое орудие ударного крейсера.

«Всадник бури», словно обсидиановое копьё, пронзил атмосферу Каэрнуса IV, превосходная скорость в сочетании с исключительной маневренностью оберегали его от орудий противника.

Крейсер «Горе побежденному» также попытался осуществить поворот и последовать за «Всадником бури», но по своим ходовым характеристикам ему было далеко до судна чужаков.

Все более отклоняясь в сторону от Каэрнуса IV, эльдарский корабль сбросил скорость. В этой точке он оказался совершенно слеп, так как его сенсоры перестраивались в процессе огненного полета сквозь верхние слои атмосферы планеты.

Когда «Всадник бури» уже покидал атмосферу Каэрнуса, над ним пронеслась голубая вспышка и пристроилась позади высоких парусов изящного корабля. Мощные орудия «Громового Ястреба» прошлись огнем по задней четверти судна, начисто снеся с поверхности корпуса все планочные стабилизаторы и зазубренные крюки.

Прежде чем на эльдарском судне успели что-нибудь понять, «Громовой Ястреб» устремился вперед, через изогнутую верхнюю палубу корабля противника. Из брюха корабля Ультрамаринов выстреливали крепезные буравы, врезающиеся в корпус «Всадника бури» и прочно притягивающие более легкое атакующее судно к кораблю эльдаров.

Технодесантник Харкус привел в действие спусковой механизм абордажного шлюзового канала и подорвал спецзаряды направленного действия на его конце. Даже сквозь бронированные палубные плиты «Громового Ястреба» Уриэль почувствовал чудовищную силу этого взрыва. До упора повернув рукоятку запора, он открыл круглый люк, который вел сквозь шлюзовой канал к бреши в корпусе эльдарского судна.

Теперь важна была скорость. Удар должен быть жестким и быстрым.

— Ультрамарины! За мной! — крикнул он и первым прыгнул в шлюзовой канал.

Легко приземлившись на палубу вражеского корабля, Уриэль откатился в сторону, освобождая место для следующего воина, со стуком опустившегося вслед за ним. В прыжке он поднялся на ноги и одним отточенным плавным движением извлек энергетический меч и болт-пистолет. Осматривая заставленную круглыми контейнерами комнату с низким потолком, в которой он оказался, капитан Ультрамаринов обвел помещение стволом болтера.

Он надавил на руну запуска на эфесе меча, и в ту же секунду клинок вспыхнул жутким светом, и как раз вовремя: в овальном дверном проеме показались два воина в малиновых панцирях. Их гладкие блестящие доспехи были украшены сверкающими клинками, в руках у них были длинные винтовки с зазубренными штыками.

— Отвага и честь! — воскликнул Уриэль, бросаясь на эльдарских воинов.

Он всадил меч в ключицу первого из оборонявшихся эльдаров, раскроив чужака от шеи до паха. Второй сделал выпад винтовкой со штыком, но Уриэль, крутанувшись вокруг себя, нанес ему смертельный удар локтем в лицо, разбив вдребезги забрало шлема неприятеля и сломав ему шею.

Бросив назад короткий взгляд, он увидел, как Ультрамарины один за другим прыгают через пробоину в корпусе. Пазаниус был уже здесь, ярко-синее пламя его огнемёта уже ревело, готовое обратить врагов Императора в пепел.

Подняв меч высоко над головой, Уриэль проревел:

— На мостик!

Выпрыгнув в дверной проем, он оказался в узком полутемном коридоре с гладкими стенами, сходящими на конус над его головой.

Вентрис ощутил странный, действительно чуждый запах, но не смог определить, откуда именно он исходит. Вперед вели два изгибающихся прохода, конца которым не было видно.

Выбрав левый, Уриэль помчался по нему.

— Пазаниус, за мной! — крикнул он. — Дардино и Венасус берут правый!

Уриэль услышал спереди стук шагов и увидел несущуюся на него толпу вражеских воинов. Они были вооружены такими же винтовками со штыками, но у некоторых капитан заметил и более грозное оружие.

Подняв свой огнемёт, Пазаниус крикнул:

— Ложись!

Бросившись на пол, Уриэль не услышал, а скорее почувствовал свист раскаленного прометия, пронесшегося над ним по проходу. Вопли чужаков эхом разнеслись по коридору, когда жидкое пламя изжарило их тела внутри доспехов, дочиста спалив всю их нечестивую плоть. Вскочив на ноги, Уриэль ринулся вперед, перескакивая через пылающие тела и несясь среди эльдаров огромными прыжками. Его меч разил налево и направо, и каждый удар приносил смерть все новому чужаку. Ультрамарины с диким ревом следовали за своим капитаном, кромсая врагов цепными мечами, которые легко разрубали гибкие пластины" вражеских доспехов и плоть ненавистных ксеносов.

Капеллан Клозель выкрикивал слова Гимнов Веры, разя врагов смертоносным крозиус арканумом.

Уриэль ощутил боль в руке — в нее угодили несколько осколков от близкого взрыва, но он не придавал этим ранам значения. Силовые доспехи защищали его. Пуля попала ему в шлем, и Уриэль, зарывав, повернулся и одним ударом обезглавил напавшего на него врага.

Последний из эльдаров пал, и коридор «Всадника бури» превратился в зловонный склеп.

Все Ультрамарины были целы, хотя некоторых и ранило, но не тяжело. Пазаниус выпустил несколько коротких сполохов из огнемета в сторону поворота, упреждая возможную контратаку.

Уриэль тем временем связался по радио с другими отделениями:

— Дардино, Венасус, доложите обстановку.

Первым отозвался Венасус, его голос звучал твердо и уверенно, несмотря на звуки сурового боя, идущего вокруг него.

— Серьезное сопротивление, капитан. Нам, похоже, попался главный оборонительный пост. Дардино пытается обойти их с фланга. По предварительной оценке, понадобится шесть минут, чтобы одолеть их.

— Даю вам четыре минуты! Все, конец связи.

На Ультрамаринов обрушился шквал винтовочного огня, пули рикошетом отскакивали от стен, воздух наполнился визгом осколков. Точно такие же осколки Уриэль извлек из стены храма на Каэрнусе IV.

Пазаниус лежал на полу, в его наплечнике зияло темное дымящееся отверстие. Уриэль слышал по радио, как огромный сержант чертыхается, уползая подальше от поворота и не выпуская из рук огнемет. Услышав шаги приближающихся ксеносов, несущихся им наперерез, Уриэль извлек из раздатчика на поясе пару осколочных гранат.

Шквал огня усилился, и Уриэль понял, что пора двигаться дальше, иначе штурм захлебнется, не успев толком начаться.

Забежав за угол, Уриэль дважды выстрелил из болт-пистолета. По сравнению с хлопучками эльдаров, эти тяжелые глухие выстрелы прозвучали обнадеживающе громко. Два вражеских воина упали с огромными зияющими ранами в груди, и Уриэль швырнул вперед обе гранаты. Прежде чем нырнуть в укрытие за угол, он выстрелил еще дважды. Гранаты разорвались одновременно, яростно взметнув в воздух тела врагов.

Уриэль вскочил на ноги и поднял Пазаниуса:

— Ты готов к бою, мой старый друг?

— Больше чем когда бы то ни было, капитан, — заверил сержант, поднимая огнемёт.

Уриэль кивнул Пазаниусу и рванулся за угол по коридору с болтером на изготовку.

— За Императора!!!

Ультрамарины следовали за Уриэлем, не отставая от него ни на шаг. Капитан что было сил неся малиновой двери, украшенной замысловатой чеканкой, изображавшей клинок в обрамлении изгибающихся оленьих рогов. Даже на расстоянии Уриэль видел, что дверь эта тяжелая и бронированная.

От главного коридора ответвлялись другие, и отовсюду доносились звуки боя. По параллельным коридорам неслись фигуры в красных доспехах, и Вентрис на бегу отдал одному из Ультрамаринов приказ наблюдать за тылом. С таким количеством параллельных и поперечных коридоров существовала реальная опасность быть обойденными с флангов и окруженными.

Врезавшись с разбегу в дверь, Уриэль выбил ее из рамы одним мощным ударом.

Капитан влетел в дверной проем; изголодавшиеся по настоящей схватке Ультрамарины следовали за ним. Все они оказались в просторном помещении с высокой куполообразной крышей, и Вентрис злорадно усмехнулся, осознав, что они скорее всего оказались наконец на командном мостике. Первое, что увидел Вентрис, — это богато украшенный обзорный экран, занимавший почти всю дальнюю стену комнаты, по обе стороны от экрана были широкие, как у ангара, ворота. Железные столы с привязными ремнями черной кожи теснились вдоль стоек с отвратительного вида инструментами.

В центре зала, на приподнятом командном помосте, стоял высокий худощавый эльдар в изящных доспехах, таких же, в какие были облачены его воины, только доспехи этого чужака были светло-зеленого цвета. Шлема на нем не было, и его белые, с фиолетовыми проблесками, волосы разметались по плечам, словно снег. Лицо его казалось безжизненной маской, лишенной всякого выражения, а с губ эльдара бежала тонкая струйка крови. В руках он держал огромный боевой топор, лезвие которого было покрыто бурыми пятнами.

Кроме него в зале было несколько десятков тяжеловооруженных воинов с длинными клинками, смахивавшими на алебарды. Все это грозное оружие синхронно пульсировало, извергая в пространство какую-то чудовищную энергию.

Зал, в котором оказались Вентрис и его люди, излучал смерть и ужас. «Сколько же душ нашли свой конец в этом безрадостном месте?» — подумал Уриэль.

Однако времени, чтобы поразмыслить над этим, у капитана Ультрамаринов не оказалось, так как широкие двери по обе стороны обзорного экрана вдруг широко распахнулись и оттуда вылетели полчища почти полностью обнаженных воинов — как мужчин, так и женщин, скользящих в воздухе на причудливых сверкающих пластинах и вооруженных длинными мечами.

Меткие выстрелы из пистолетов уложили полдюжины из них в первую же секунду, но нападавших было слишком много, и они оказались уже среди Ультрамаринов, нанося воинам Императора смертельные удары. Уриэль увидел, как пал брат Гайус, разрубленный вдоль талии пластиной одного из летунов. Его убийца взмыл в воздух, описав петлю, а тело Гайуса осело на пол в луже крови.

Уриэль с ненавистью всадил болт в голову улюлюкающего эльдара и с удовлетворением увидел, как его безжизненное тело рухнуло на пол. Тем временем визжащая орда летунов высоко в воздухе развернулась и выстроилась для повторного захода.

Болтерный огонь по ним усилился — это вступили в бой отделения Дардино и Венасуса. Уриэль пристрелил очередного летуна, когда к нему подскочил Венасус в доспехах, лоснящихся от крови чужаков.

— Прошу прощения, капитан. Это заняло у нас на минуту больше.

Уриэль свирепо усмехнулся под шлемом:

— Надеюсь, сержант, в следующий раз у тебя выйдет лучше.

Огнемет Пазаниуса обдал одного из летунов потоком жидкого пламени. Выстрелы Ультрамаринов эхом отдавались под куполом зала. В этот момент ожило устройство связи в шлеме Уриэля — с ним связался пилот «Громого Ястреба»:

— Капитан, вскоре мы вынуждены будем расстыковаться. Корабль эльдаров увеличивает скорость, и нам не удастся дольше удерживать шлюзовую канал. Предлагаю вам начать отступление, прежде чем мне придется отсоединить стыковочные крепления.

Уриэль выругался. Подтвердить получение сообщения от пилота у него не было времени — сбив с летающей пластины воина в кожаных ремнях, он вогнал меч в его брюхо. Капитан увидел, как воин-альбинос в зеленых доспехах мечом прорубает себе дорогу, направляясь к нему, и высвободил меч.

Вокруг ног воина крутилась какая-то бесформенная масса, но в царившем полумраке Уриэль не мог рассмотреть, что это такое. Тут на него устремились трое воинов-летунов. Двоих он сбил с пластин меткими выстрелами из болтера, а третьего обезглавил мечом. Тем временем светло-зеленый элдар с поразительной легкостью уложил двух Ультрамаринов, попытавшихся его остановить.

Уриэль жестом призвал своих боевых братьев держаться.

— Этот — мой! — выкрикнул он.

По иконкам на визоре шлема Уриэль видел, что семеро его людей погибло, их значки были холодными и черными. Дыхание Вентриса стало тяжелым, но это не уменьшило его выносливости.

Пространство вокруг двух воинов освободилось, на мостике продолжал кипеть бой. Теперь Уриэлю стало отчетливо видно, что творится вокруг ног чужака, и капитан с ужасом разглядел вздымающуюся массу шипящих и фыркающих существ. Жалкое, омерзительное, но вместе с тем устрашающее скопление деформированной плоти, сшитой вместе в невообразимой мешанине, извивалось у ног альбиноса. Каждое из этих отвратительных существ было уникально по своей тошнотворной форме, но все они одинаково шипели в безумной злобе, обнажая желтые клыки и зазубренные когти.

Уриэль вытянул меч, направив конец сверкающего лезвия в грудь предводителя чужаков:

— Я — Уриэль Вентрис из Ультрамаринов, и я пришел, чтобы убить тебя.

Эльдар склонил голову набок. Его голос, неприспособленный к человеческому языку, проскрежетал:

— Ты всего лишь монки, животное, и я скормлю тебя экскрентам.

Уриэль взял меч на изготовку — кипящая масса жутких существ ринулась вперед, издавая ужасающие и в то же время жалобные визги. Он рубанул по первому из них, и, когда клинок легко раскроил его плоть, из мягкого, податливого тела уродца вырвалось облачко зловонного газа. Затем Уриэль таким же образом заколол другое мерзкое создание, но их было слишком много.

В его икру вонзились острые клыки, и Уриэль вскрикнул, ощутив пронзившую тело горячую боль, и в следующую секунду кровь понесла по его венам впрыснутый в рану яд. Меч капитана Ультрамаринов отсек клыкастый придаток от остальной твари, заляпав мерзкую тушку какой-то дрянью.

Сделав шаг вперед, Кешарк стремительно взмахнул топором, направив его широкое лезвие по дуге в грудь Уриэлю.

Вовремя заметив этот маневр врага, Уриэль отпрянул назад, лишив удар большей части его сокрушительной силы. Повернувшись, он взмахнул мечом и был вознагражден жутким визгом очередного экскрента. Продолжая двигаться, Вентрис увернулся от следующего удара, и топор Кешарка, просвистев в воздухе, вонзился в палубу.

Подпрыгнув, Уриэль парировал удар топора, который пришелся по касательной к плечу капитана. Уриэль понял, что в удар было вложено немного силы, — чужак явно полагался на вес самого оружия. С силой опустив кулак на ониковое древко топора, Уриэль бросился на эльдара, но тот умело уклонился от атаки капитана, скользнув вбок, и всадил топор ему в плечо.

Лезвие топора вырвало большой кусок из доспехов Уриэля и, уйдя вверх, зацепило край шлема. Капитан зашатался, почувствовав легкое головокружение, но вовремя поднял меч, парировав молниеносный повторный удар, нацеленный ему в голову.

В этот миг еще один эксскрент впился в ногу Уриэля, и он опустил тяжелый бронированный ботинок на его голову, превратив череп в мешанину из костей и мозга. Вокруг капитана полыхали языки пламени, а воздух наполнили жуткие визги и зловоние паленой плоти — это Пазаниус обратил свой огнемет против ужасающих тварей.

Иконка пилота в визоре шлема вспыхнула срочным вызовом.

Кешарк вращал топором с безумной скоростью, совершая им замысловатые петли и повороты, его лезвие превратилось в сверкающую серебряную сеть. Чужак медленно наступал на Уриэля, его безжизненное лицо продолжало оставаться совершенно неподвижным.

— Я был не прав, считая тебя достойной добычей, — проскрежетал Кешарк. — Кайерзак был глупцом, опасаясь тебя.

Уриэль совершил ложный выпад мечом, затем изменил направление удара, но Кешарк предвидел этот ход и отразил удар древком топора. Вернувшись, его лезвие вонзилось в бок Уриэлю, глубоко войдя в доспехи. Тело охватила жгучая боль, и Уриэль почувствовал, как из рваной раны хлынула кровь.

С уголков губ Кешарка свисали хлопья кровавой пены, но Уриэлю было не до того. Он взревел от боли и, выронив меч, схватился за лезвие топора, вонзившееся в его бок, пока Кешарк пытался выдернуть его.

Уриэль выхватил из кобуры пистолет и направил его ствол в голову чужака.

Тот рванулся со сверхъестественной скоростью, но всей его изворотливости не хватило, чтобы увернуться от снаряда.

Болт прошел щеку Кешарка, вырвав кусок плоти, но расстояние оказалось слишком мало, и снаряд разорвался, уже выйдя из его головы.

Чужак взвыл от боли и отступил, выпустив из рук топор. Уриэль рухнул на колени, а Кешарк судорожно заковылял к своим воинам.

Сквозь какую-то пелену Уриэль почувствовал, как чьи-то руки обхватили его за наплечники. Слабеющими руками он поднял болтер, но тут же опустил его, увидев, что это Пазаниус. Огромный сержант ухватил топор чужака и вытащил его из бока капитана, а затем поднял Уриэля на ноги. Кровь из раны тут же забила фонтаном.

— Мы должны немедленно убираться отсюда! — прошептал Уриэль.

Кивнув, Пазаниус принялся отдавать приказы отделению. Наклонившись, Уриэль поднял меч Айдэуса и присоединился к своим воинам, которые начали отступать в сторону «Громового Ястреба». Тела погибших уносили с собой.

Уриэль знал, что они ни в коем случае не должны оставлять павших в этом нечестивом месте. Апотекарий Селенус удалит из их тел имплантированные железы, и драгоценное генное семя будет возвращено Ордену.

Никто из воинов-ксеносов не преследовал Космо-десантников, и последним, кого увидел Уриэль, был их предводитель, уставившийся на него с бессильной ненавистью.

Ультрамарины быстро покинули «Всадника бури», и уже через несколько секунд «Громовой Ястреб» расстыковался с эльдарским судном. Пилот искусно развернул шаттл вокруг своей оси и летел теперь на двигателях малой тяги, пока не опустели топливные баки. Эльдарский корабль вскоре исчез во мгле, его двигатели быстро унесли судно от места боя.

Челнок плавал в пространстве еще целый час, пока его не подобрал крейсер.

Все это время Селенус занимался ранеными, а капеллан Клозель читал над погибшими Литанию Павшим.

Аппаратура крейсера уловила след корабля чужаков. Несмотря на всю мощь своих двигателей, крейсер Ультрамаринов не мог сравниться с эльдарским судном в скорости, но когда сервиторы рассчитали его курс, то оказалось, что им это и не понадобится.

Корабль чужаков шел прямым курсом на Павонис.

<http://tl.rulate.ru/book/30591/671948>